

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Институт доказательств в уголовном судопроизводстве»

Обучающийся

С.А. Ягудин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Общетеоретические аспекты института доказательств в уголовном процессе	8
1.1 Понятие и сущность доказательств в уголовном процессе.....	8
1.2 Свойства доказательств в уголовном процессе	17
1.3 Классификация доказательств в уголовном процессе.....	26
Глава 2 Анализ отдельных видов доказательств	46
2.1 Показания как вид доказательств	46
2.2 Заключение эксперта и специалиста	66
2.3 Протоколы следственных и судебных действий	72
2.4 Вещественные доказательства.....	80
2.5 Иные документы как вид доказательств	87
Глава 3 Проблемные вопросы института доказательств в уголовном процессе	95
3.1 Проблемные аспекты собирания и проверки доказательств в уголовном процессе	95
3.2 Направления совершенствования процессуальной регламентации собирания и проверки доказательств в уголовном процессе.....	98
3.3 Проблемные вопросы оценки доказательств	101
Заключение.....	107
Список используемой литературы и используемых источников	115

Введение

Институт доказывания в любой процессуальной отрасли права представляет собой один из наиболее значимых элементов судебного процесса, поскольку именно на его основе формируется доказательственная база, определяющая исход дела. Качество и полнота собранных доказательств непосредственно влияют на позицию суда и, как следствие, на окончательное решение. В уголовном судопроизводстве данная функция приобретает особую важность, так как доказательства служат фундаментом для установления объективной истины, определения виновности или невиновности обвиняемого, а также обеспечения законности и обоснованности выносимых судебных актов.

Роль доказательств в уголовном процессе многогранна и обусловлена рядом ключевых факторов. Во-первых, они способствуют достижению справедливости, обеспечивая соответствие судебного решения фактическим обстоятельствам дела. Во-вторых, доказательства выступают гарантом защиты прав обвиняемого, поскольку исключают произвольное обвинение без надлежащего подтверждения. В-третьих, они играют важную роль в поддержании правопорядка, так как их тщательный анализ минимизирует риск судебных ошибок и способствует вынесению обоснованных решений. Таким образом, доказательства являются неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, от которого зависит соблюдение принципов законности, справедливости и защиты прав участников процесса.

Однако, несмотря на теоретическую разработанность данного института, на практике сохраняются проблемные аспекты, связанные с применением доказательств. В частности, не все представленные материалы отвечают критериям относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность зачастую не обеспечивает достаточности для разрешения уголовного дела. Кроме того, остаются дискуссионными вопросы, касающиеся оценки отдельных видов доказательств, их процессуального

закрепления и интерпретации. Указанные проблемы подчеркивают актуальность дальнейшего исследования института доказывания в уголовном процессе, а также необходимость совершенствования соответствующих процессуальных механизмов.

Объектом данного исследования выступают доказательства в уголовном процессе, понимаемые как фактические данные, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных значимых для его разрешения обстоятельств.

Предметом исследования являются законодательные нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие порядок формирования, представления, проверки и оценки доказательств, а также теоретические положения, раскрывающие сущность и особенности данного правового института.

Цель настоящей работы заключается в проведении комплексного научного анализа доказательств в уголовном судопроизводстве, включающего их теоретико-правовую характеристику, систематизацию видов и выявление проблемных аспектов их применения.

Для достижения указанной цели в исследовании поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие доказательств в уголовном процессе и определить их основные признаки, позволяющие отграничить их от иных сведений, не имеющих доказательственного значения;
- исследовать свойства доказательств, а именно их относимость, допустимость, достоверность и достаточность, а также проанализировать их взаимосвязь и значение для уголовного судопроизводства;
- представить классификацию доказательств по различным основаниям, включая их источники, способы получения и характер содержащейся в них информации;

- изучить показания участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) как вид доказательств, проанализировав их особенности, достоверность и возможные процессуальные злоупотребления;
- исследовать заключения эксперта и специалиста как вид доказательств, уделив внимание их роли в установлении фактических обстоятельств дела, а также проблемам, связанным с их оценкой и использованием в судебной практике;
- рассмотреть протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств, определив их значение и возможные нарушения, влияющие на их допустимость;
- раскрыть сущность вещественных доказательств, их процессуальное оформление и особенности исследования в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства;
- проанализировать иные документы как вид доказательств, включая их отличия от вещественных доказательств и специфику их использования в уголовном процессе;
- выявить проблемы, возникающие на стадиях собирания и проверки доказательств, в том числе связанные с нарушениями процессуального порядка их получения и фиксации;
- предложить направления совершенствования механизмов собирания и проверки доказательств, направленные на повышение эффективности доказывания и минимизацию судебных ошибок;
- исследовать проблемные аспекты оценки доказательств, включая вопросы их взаимной проверки, формирования внутреннего убеждения судьи и соблюдения принципа свободы оценки доказательств.

Решение указанных задач позволит сформировать целостное представление о роли доказательств в уголовном процессе, а также выработать

рекомендации по оптимизации их использования в правоприменительной практике.

Теоретическую основу настоящего исследования составляют фундаментальные научные труды в области уголовного процесса и теории доказательств, включающие учебники, монографии, диссертационные исследования и научные статьи, опубликованные в специализированных юридических изданиях. Особое значение при формировании теоретической базы работы имели классические и современные исследования, посвященные проблемам доказывания в уголовном судопроизводстве.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется значительным количеством научных работ, в которых рассматриваются различные аспекты института доказательств. Среди отечественных ученых, внесших существенный вклад в разработку данной проблематики, следует отметить труды Л.Е. Владимирова, заложившего основы теории судебных доказательств, Р.В. Костенко, исследовавшего вопросы допустимости доказательств, П.А. Лупинской, разрабатывавшей проблемы оценки доказательств, И.Я. Фойницкого, чьи работы по уголовному судопроизводству сохраняют свою актуальность, и С.А. Шейфер, внесшего значительный вклад в изучение процессуальной формы доказывания.

Важное значение для исследования имеют работы зарубежных авторов, в которых рассматриваются теоретические и практические аспекты доказательственного права [41], [42], [43], [44]. В частности, следует выделить фундаментальный труд J.H. Wigmore «The Concept of Evidence in Criminal Proceedings» («Концепция доказательств в уголовном судопроизводстве») [45], оказавший существенное влияние на развитие доказательственного права в различных правовых системах. Кроме того, в работе учитываются современные зарубежные исследования по проблемам доказывания, что позволяет провести сравнительно-правовой анализ института доказательств.

Нормативно-правовую базу исследования составили Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы,

регулирующие вопросы уголовного судопроизводства, а также подзаконные нормативные акты, содержащие положения, касающиеся собирания, проверки и оценки доказательств. Особое внимание уделено правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, содержащим толкование норм доказательственного права.

Методологическую основу работы образует комплекс научных методов, включающий формально-юридический метод, позволяющий анализировать нормы права в их системной взаимосвязи, сравнительно-правовой метод, используемый для сопоставления российского и зарубежного опыта правового регулирования доказательств, статистический метод, применяемый для выявления количественных закономерностей в судебной практике, и социологический метод, направленный на изучение эффективности правовых норм в их практическом применении.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общетеоретические аспекты института доказательств в уголовном процессе

1.1 Понятие и сущность доказательств в уголовном процессе

Рассмотрим понятие и признаки доказательств. О.В. Жаронкина отмечает, что «институт доказывания в любой процессуальной отрасли права является одним из самых важных во всем судебном процессе. Именно от собранных доказательств зависит то, в пользу какой стороны суд вынесет решение» [12, с. 2].

В контексте рассмотрения нормативно-правового регулирования института доказательств в уголовном процессе Российской Федерации необходимо прежде всего обратиться к системному анализу соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства. Основополагающие нормы, регламентирующие вопросы доказательств и процесса доказывания, сосредоточены в разделе III Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который носит название «Доказательства и доказывание».

В системе нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности Российской Федерации особое методологическое и практическое значение приобретает глава 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, носящая название «Доказательства в уголовном судопроизводстве».

Данная структурная единица уголовно-процессуального законодательства представляет собой системообразующий элемент всей доказательственной деятельности, выполняющий ключевую функцию в формировании теоретико-правовых основ доказывания. Анализ содержания указанной главы позволяет выделить ее концептуальную значимость как нормативной базы, закрепляющей фундаментальные принципы и дефиниции доказательственного права.

В рамках рассматриваемой главы законодателем осуществлена комплексная регламентация базовых аспектов доказательственной деятельности, включая легальное определение понятия доказательств, их классификацию по видам, критерии относимости и допустимости, а также процессуальный порядок их собирания, проверки и оценки. Особое значение имеет закрепление системы принципов доказывания, составляющих методологическую основу всего уголовного судопроизводства.

Содержащиеся в главе 10 УПК РФ нормативные положения формируют унифицированный понятийный аппарат доказательственного права, обеспечивающий единообразное понимание и применение соответствующих норм всеми участниками уголовного процесса. При этом законодательная конструкция доказательств, предложенная в данной главе, отражает современные подходы к балансу между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности в уголовном судопроизводстве.

Теоретический анализ положений главы 10 УПК РФ позволяет утверждать, что она выполняет не только регулятивную, но и системообразующую функцию в доказательственном праве, создавая нормативную основу для последующей детализации правил доказывания в других разделах уголовно-процессуального законодательства.

В частности, статья 74 УПК РФ, открывающая указанную главу, дает законодательное определение доказательств, устанавливая их перечень и юридическую природу. Последующие статьи главы детализируют требования к допустимости доказательств, их относимости и достоверности, формируя тем самым целостную систему доказательственного права.

При исследовании генезиса доказательственного права в отечественной юриспруденции особый научный интерес представляет сравнительно-правовой анализ современных законодательных конструкций с положениями ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства. В данном контексте принципиальное значение приобретает обращение к нормативной системе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, который на

протяжении нескольких десятилетий определял парадигму доказывания в советском уголовном процессе.

Современная доктрина доказательственного права, закреплённая в главе 10 УПК РФ, представляет собой результат длительного исторического развития, корни которого уходят в советский период отечественной правовой системы. «Анализ исторической эволюции понятия доказательств в отечественном уголовном процессе требует обращения к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 года, где в качестве базовой дефиниции использовалось понятие «любые фактические данные» [40]. Данная законодательная формулировка отражала материалистический подход к пониманию доказательств, характерный для советской правовой доктрины.

Сравнительно-правовое исследование позволяет выявить существенные различия в концептуальных подходах к определению доказательств в УПК РСФСР 1960 года и современном УПК РФ. В советский период акцент делался преимущественно на объективной составляющей доказательств – «фактических данных», тогда как современное законодательство вводит более сложную систему критериев, включая требования допустимости, относимости и достоверности. Это свидетельствует об эволюции доказательственного права от упрощённой материалистической модели к комплексной системе, учитывающей как объективные, так и процессуальные аспекты доказывания.

Особого внимания заслуживает трансформация системы классификации доказательств. Если в УПК РСФСР 1960 года перечень видов доказательств носил исчерпывающий характер, то современное законодательство допускает возможность использования иных, не указанных прямо в законе средств доказывания при условии соблюдения процессуальных требований. Это изменение отражает переход от жестко регламентированной системы к более гибкой модели доказательственного права.

Анализ исторической эволюции понятия доказательств позволяет сделать вывод о постепенном усложнении доказательственной системы российского уголовного процесса, что соответствует общемировым

тенденциям развития уголовно-процессуального права. Современная конструкция доказательств в УПК РФ представляет собой синтез традиционных подходов отечественной правовой школы и новых принципов, обусловленных демократизацией уголовного судопроизводства и усилением гарантий прав личности.

Рассматриваемая формулировка отражала господствовавший в советский период подход к пониманию доказательств как объективно существующих фактов реальной действительности, подлежащих установлению в процессе расследования и судебного разбирательства.

Современные исследователи предлагают различные трактовки термина «доказательства», что свидетельствует о продолжающейся научной дискуссии по данному вопросу.

Л.Е. Владимиров определял доказательства как «всякий факт, вызывающий в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного разбирательства» [10, с. 243]. Данное определение, обладая значительной широтой охвата, акцентирует внимание на способности доказательств формировать судебское убеждение, при этом делая акцент на самих фактах, а не на информации о них, что отличает эту позицию от современного законодательного подхода.

В современной уголовно-процессуальной доктрине особую актуальность приобретает вопрос терминологической точности при определении ключевых понятий доказательственного права. Как отмечают А.П. Попов и И.А. Зинченко, «в синонимическом ряду терминов - «данные», «фактические данные», «сведения» — последний представляется наименее удачным» [28, с. 330]. Данная позиция отражает существующую в научном сообществе дискуссию о необходимости выработки единого концептуального аппарата в сфере доказательственного права.

Проведенный анализ научных публикаций последних лет свидетельствует о наличии существенных расхождений в терминологии,

используемой различными авторами при характеристике доказательств. Многие исследователи действительно отдают предпочтение таким формулировкам, как «сведения о фактах», «фактические данные» или «сведения о фактических обстоятельствах», что подчеркивает необходимость более четкой терминологической определенности в данном вопросе. Подобная терминологическая вариативность создает определенные сложности как в теоретических исследованиях, так и в правоприменительной практике.

Критический анализ существующей терминологии позволяет выявить несколько ключевых проблем. Во-первых, термин «сведения» в его общеупотребительном значении обладает избыточной широтой и не отражает специфики доказательственной информации в уголовном процессе. Во-вторых, понятие «фактические данные», несмотря на его традиционное использование в правовой доктрине, может создавать ложное представление о существовании «нефактических» данных в процессе доказывания. В-третьих, отсутствие единого терминологического стандарта затрудняет системное понимание доказательственного права как целостной научной дисциплины.

Сравнительно-правовое исследование показывает, что проблема терминологической определенности характерна не только для отечественной, но и для зарубежной правовой науки. Однако в отличие от российского законодательства, многие западные правовые системы выработали более четкие и однозначные дефиниции, что способствует единообразному пониманию и применению доказательственных норм. В этой связи представляется целесообразным проведение комплексного исследования с целью выработки оптимальной терминологической модели, которая бы учитывала как традиции отечественной правовой школы, так и современные тенденции развития доказательственного права.

В современной российской уголовно-процессуальной доктрине продолжается активная научная дискуссия относительно сущностных характеристик доказательств, их гносеологической природы и процессуальной формы. Значительный вклад в разработку данной

проблематики внес В.И. Никандров, предложивший строгое юридическое определение, согласно которому «доказательства есть сведения о фактах, имеющих значение по делу, установленные в предусмотренном законом порядке. По делу мы собираем не сами факты, а сведения о них... Доказательствами могут быть только сведения о фактах, но не сами факты реальной действительности» [25, с. 14]. Данная концепция представляет собой синтез традиционного подхода, восходящего к УПК РСФСР 1960 года, и современных требований к процессуальной форме доказательств, закрепленных в действующем УПК РФ.

Предложенное В.И. Никандровым определение обладает рядом методологических преимуществ. Во-первых, оно четко разграничивает онтологические категории (факты реальной действительности) и гносеологические (сведения о фактах), что имеет принципиальное значение для теории доказательственного права. Во-вторых, акцентирует внимание на процессуальной форме как неотъемлемом атрибуте доказательства, подчеркивая тем самым формально-юридический аспект доказывания. В-третьих, сохраняя преемственность с исторической формулировкой «фактические данные», оно адаптирует это понятие к современным реалиям уголовного судопроизводства через указание на информационную природу доказательств.

Альтернативный подход к пониманию доказательственной природы представлен в работах И.В. Смольковой и М.С. Дунаевой, которые подчеркивают избирательный характер доказательств, отмечая, что «любые доказательства по своей природе - фактические данные, но не всякие данные могут быть признаны доказательствами» [37, с. 187]. Данная позиция акцентирует внимание на критериях отбора информации, которая может приобрести статус доказательств в уголовном процессе. В отличие от определения В.И. Никандрова, здесь делается упор не на информационную природу доказательств, а на их специальные юридические характеристики,

позволяющие отграничить доказательственную информацию от иных сведений.

Сравнительный анализ этих концепций позволяет выявить их взаимодополняющий характер. Если подход В.И. Никандрова фокусируется на процессуальной форме и способах получения доказательственной информации, то позиция И.В. Смольковой и М.С. Дунаевой акцентирует внимание на критериях ее отбора и оценки. Оба подхода, несмотря на некоторые терминологические различия, базируются на общем понимании доказательств как информации, прошедшей специальную юридическую обработку и отвечающей установленным законом требованиям. Такое единство основных методологических посылок свидетельствует о формировании в российской правовой доктрине устойчивой теоретической парадигмы понимания доказательств, сочетающей традиционные подходы и современные научные представления.

В противоположность этому, Н.В. Лантух [19, с. 86] и О.Я. Баев [1, с. 202] допускают возможность использования в качестве доказательств любых

Проведя комплексный анализ существующих в отечественной процессуальной науке подходов к определению сущности доказательств, представляется методологически обоснованным поддержать позицию исследователей, аргументированно доказывающих необходимость понимания доказательств именно как сведений о фактах. Данная концепция обладает значительным теоретическим потенциалом, поскольку, во-первых, соответствует основным принципам теории познания в уголовном процессе, во-вторых, обеспечивает необходимую системность доказательственной деятельности, и, в-третьих, сохраняет преемственность с исторически сложившимися доктринальными традициями российского уголовно-процессуального права.

Критически оценивая используемую в современном законодательстве формулировку «любые сведения», следует отметить ее существенные

недостатки с точки зрения юридической техники. Чрезмерная широта данного терминологического конструкта создает опасность размывания границ доказательственного понятия, поскольку не содержит указания на ключевую характеристику доказательств - их связь с обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела. Такой подход не только снижает точность правового регулирования, но и затрудняет процесс доказывания на практике, создавая предпосылки для расширительного толкования доказательственных норм.

Концепция доказательств как сведений о фактах обладает рядом неоспоримых преимуществ перед альтернативными подходами. Прежде всего, она обеспечивает четкое разграничение между собственно фактами объективной реальности и информацией о них, что имеет принципиальное значение для теории доказательственного права. Кроме того, данный подход позволяет сохранить преемственность с исторически сложившейся в российском уголовном процессе доктринальной традицией, восходящей к УПК РСФСР 1960 года, где в качестве базовой дефиниции использовалось понятие «фактические данные». При этом рассматриваемая концепция не просто механически воспроизводит прежние формулировки, а творчески развивает их, адаптируя к современным условиям уголовного судопроизводства.

Особого внимания заслуживает методологическая ценность рассматриваемого подхода, который позволяет преодолеть существующие в доктрине противоречия между различными научными школами. Концепция доказательств как сведений о фактах органично сочетает в себе требования формальной определенности (через указание на процессуальную форму получения информации) и содержательной достоверности (через связь с фактическими обстоятельствами дела). Такой синтез обеспечивает необходимый баланс между стабильностью доказательственной системы и ее способностью к развитию в соответствии с меняющимися социальными условиями и технологическими возможностями.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [39].

Также, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, выявлению подлежат обстоятельства, которые способствовали совершению преступления.

Как отмечает А.А. Барыгина, «с точки зрения уголовно-процессуального права доказательства обладают своими специфическими признаками, которые находят свое отражение в уголовно-процессуальном законе. Как правило, принято выделять три основных признака» [4, с. 56].

«Первый признак включает в себя тот факт, что доказательства, прежде всего, носят информационный характер, то есть должностные лица органов внутренних дел должны тщательным образом изучить предметы и явления, полученные в результате расследования, и на их основе получить информацию, представляющую интерес по расследуемому уголовному делу.

Содержание второго признака заключается в получении доказательств только в установленном законом порядке. Это означает, что предметы, изъятые с места преступления или обнаруженные иным путем, могут быть признаны доказательствами только если они были собраны в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Третий признак включает в себя характеристику доказательств в рамках их отношения к расследуемому уголовному делу» [13, с. 98].

Все перечисленные признаки находят свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

1.2 Свойства доказательств в уголовном процессе

Раскроем основные свойства доказательств в уголовном процессе.

Согласно п. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела [39]. То есть в данной статье отражены ключевые свойства доказательств, а именно относимость, допустимость, достоверность, а также в совокупности – их достаточность для разрешения уголовного дела.

Рассмотрим каждое свойство более детально.

Первое свойство – относимость. Так, в научных статьях данное свойство трактуют по-разному. Как отмечает в своём исследовании С.А. Пяшин, «одни рассматривают ее как объективное свойство доказательств, означающее их способность освещать имеющие значение для дела обстоятельства, а другие — как свойство доказательства своим содержанием служить средством

познания обстоятельств произошедшего события» [36, с. 158]. Как отмечает исследователь, «в относимости доказательства главное, что оно, с одной стороны, позволяет отнести то, что имеет отношение к делу, а с другой – избежать накопления ненужной информации в нем» [36, с. 158].

По мнению С.А. Пяшина, «к обладающим признаком относимости можно отнести доказательства, при помощи которых устанавливается наличие или отсутствие следующих обстоятельств:

- признаков преступления, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела;
- предмета доказывания, образуемого совокупностью обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ;
- доказательственных (промежуточных) фактов;
- иных обстоятельств, имеющих значение для дела (основания для избрания меры пресечения, производства выемки, обыска, приостановления производства по делу, прекращения производства по делу и т. д.)» [36, с. 159].

В системе доказательственного права уголовного процесса принцип относимости доказательств занимает фундаментальное положение, находясь в тесной взаимосвязи с их материально-правовой и процессуальной значимостью. В системе критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве свойство относимости занимает центральное методологическое положение, определяя содержательные аспекты доказательственной деятельности. Относимость доказательств представляет собой их имманентное качество, выражающееся в способности устанавливать или опровергать фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания по конкретному уголовному делу. Данное свойство имеет сложную юридическую природу и реализуется через систему взаимосвязанных характеристик, включая содержательную релевантность доказательственной информации и ее доказательственную ценность в контексте конкретного уголовного дела.

Гносеологическая природа относимости проявляется в необходимости установления определенной связи между доказательством и доказываемым обстоятельством. Эта связь может носить как причинно-следственный характер, когда доказательство непосредственно вытекает из устанавливаемого факта или обуславливает его, так и логический характер, когда связь устанавливается через систему промежуточных умозаключений. При этом круг обстоятельств, к которым может относиться доказательство, не ограничивается исключительно элементами состава преступления, но охватывает весь комплекс фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения уголовного дела.

В процессуальном аспекте относимость доказательств проявляется через их способность устанавливать: во-первых, элементы объективной стороны преступления (время, место, способ совершения деяния); во-вторых, субъективные характеристики преступления (форму вины, мотивы и цели); в-третьих, характеристики личности обвиняемого (данные, влияющие на индивидуализацию наказания); в-четвертых, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; в-пятых, процессуальные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Такой многоаспектный характер относимости подчеркивает ее фундаментальную роль в системе доказательственного права.

Методология определения относимости доказательств предполагает комплексную оценку их содержания через призму конкретных обстоятельств уголовного дела. При этом ключевое значение приобретает способность доказательства влиять на формирование внутреннего убеждения правоприменителя относительно наличия или отсутствия юридически значимых фактов. Данное качество доказательств не является статичным - оно может изменяться в процессе доказывания по мере выявления новых обстоятельств дела или получения дополнительной доказательственной информации.

Судебная практика последовательно исключает из процесса доказывания доказательства, не отвечающие критерию относимости, к которым относятся: сведения, не имеющие непосредственного отношения к предмету доказывания; данные, не способные повлиять на исход дела в силу их второстепенного характера; информация, не подтвержденная надлежащими процессуальными источниками. Особое значение принцип относимости приобретает при квалификации преступлений, где требуется точное установление связи между доказательствами и конкретными признаками состава преступления. В этом контексте относимость выступает как качественный фильтр, обеспечивающий рациональную организацию доказательственного материала и способствующий эффективному установлению обстоятельств по делу.

Переходя к анализу допустимости как следующего фундаментального свойства доказательств, необходимо подчеркнуть его процессуальную природу. Допустимость представляет собой комплексное свойство доказательства, характеризующее его соответствие требованиям уголовно-процессуального закона в части: законности источника получения информации; правомерности способа собирания доказательств; соблюдения процедуры их фиксации; надлежащего субъектного состава участников доказательственной деятельности. Это свойство обеспечивает возможность использования доказательства в качестве юридического основания для принятия процессуальных решений, придавая ему необходимую процессуальную силу и достоверность.

Теоретический анализ соотношения относимости и допустимости доказательств позволяет сделать вывод о их взаимодополняющем характере: если относимость определяет материальную ценность доказательства для установления истины по делу, то допустимость гарантирует процессуальную чистоту средств доказывания. В совокупности эти свойства образуют необходимые условия для формирования достоверной и полной

доказательственной базы, соответствующей как материально-правовым, так и процессуальным требованиям современного уголовного судопроизводства.

Статья 75 УПК РФ даёт определение понятию недопустимых доказательств, а также предоставляет перечень недопустимых доказательств.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ» [39].

Так, например, к недопустимым доказательствам относятся:

- «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;
- показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;
- предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в части первой статьи 81 УПК РФ;
- иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ» [39].

В структуре доказательственного права современного уголовного процесса свойства допустимости и достоверности доказательств образуют сложную систему взаимозависимых и взаимообусловленных категорий, находящихся в диалектическом единстве. Данная взаимосвязь носит системообразующий характер для всего механизма доказывания, формируя комплексный критерий оценки доказательственной базы по уголовному делу.

Теоретический анализ этой взаимосвязи требует многоаспектного рассмотрения, учитывающего как формально-юридические, так и гносеологические характеристики доказательственного процесса.

Свойство допустимости, будучи формально-правовой категорией, устанавливает нормативные рамки для включения информации в доказательственную базу, определяя соответствие процесса ее получения и фиксации требованиям уголовно-процессуального закона. В то же время достоверность как содержательная характеристика доказательства отражает его способность адекватно воспроизводить фактические обстоятельства, имеющие значение для дела. Диалектический характер их взаимосвязи проявляется в том, что допустимость создает необходимые процессуальные предпосылки для установления достоверности, в то время как достоверность придает доказательству содержательную ценность в рамках установленных процессуальных форм.

Методологическое единство этих свойств в процессе доказывания проявляется через их взаимное дополнение: ни одно доказательство не может быть положено в основу обвинения, если оно, будучи формально допустимым, вызывает обоснованные сомнения в своей достоверности, равно как и достоверная по содержанию информация не может быть использована в качестве доказательства, если она получена с нарушением процессуальной формы. Такой двуединый характер оценки доказательственной базы обеспечивает баланс между формальной законностью процесса доказывания и материальной истинностью его результатов, что соответствует фундаментальным принципам уголовного судопроизводства.

При этом диалектическая природа рассматриваемой взаимосвязи предполагает возможность возникновения противоречий между формальной допустимостью и содержательной достоверностью доказательств, что требует от правоприменителя сложной оценочной деятельности, направленной на поиск процессуального и гносеологического баланса. Разрешение таких противоречий осуществляется через механизм внутреннего убеждения судьи,

основанного на всестороннем, полном и объективном исследовании всей совокупности доказательств в их взаимосвязи, что подчеркивает системный характер рассматриваемых свойств в доказательственном праве.

С.В. Корнакова определяет достоверность как «доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений в связи с наличием обоснования этой истинности» [16, с. 70]. В данном контексте подчеркивается процессуальный аспект достижения достоверности, который реализуется «путем собирания, проверки и оценки доказательств, осуществляемых в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством» [16, с. 70]. Такой подход акцентирует внимание на системном характере доказательственной деятельности, где достоверность выступает не как статичное качество, а как результат последовательной реализации процессуальных процедур, обеспечивающих всесторонность и объективность исследования доказательств.

В.С. Балакшин вносит в понимание достоверности вероятностный компонент, определяя ее как «такую высокую степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твердо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих или указывающих на недостаточное обследование дела и недостаточность собранных данных» [3, с. 130]. Данная трактовка отражает судебную специфику оценки доказательств, где достоверность формируется через призму принципа свободной оценки доказательств внутренним убеждением судьи. Особое значение в этом определении приобретает критерий отсутствия разумных сомнений, который служит своеобразным индикатором достижения необходимого уровня достоверности для принятия окончательного процессуального решения.

Н.В. Лантух расширяет понятийные границы достоверности, включая в него не только объективный, но и коммуникативный аспект: «понятие достоверности включает в себя как соответствие данных объективной действительности, так и обоснование этого соответствия, адресованное

определенному субъекту (субъектам)» [19, с. 86]. Такой подход подчеркивает двуединую природу достоверности в уголовном процессе: с одной стороны, как соответствие доказательств реальным обстоятельствам дела, с другой - как их способность формировать убеждение у конкретных участников процесса. Это особенно значимо в контексте состязательного процесса, где достоверность доказательств должна быть не только объективно установлена, но и убедительно презентована сторонами.

Анализ приведенных научных позиций позволяет сделать вывод о многоаспектном характере взаимосвязи допустимости и достоверности доказательств. Если допустимость обеспечивает процессуальную чистоту доказательственного материала, то достоверность характеризует его содержательную надежность и убедительность. В совокупности эти свойства образуют необходимые условия для формирования доказательственной базы, способной служить надежным основанием для принятия законных и обоснованных процессуальных решений. При этом следует отметить, что достоверность как качество доказательства не может быть установлена в отрыве от соблюдения требований допустимости, поскольку только процессуально корректные способы получения и закрепления доказательств могут гарантировать их соответствие объективной действительности.

На связь между свойствами достоверности и допустимости обращает внимание исследователь С.В. Некрасов, который отмечает, что «связь и соотношение между допустимостью и достоверностью доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве прослеживается исходя из положений ч. 3 ст. 7 УПК РФ. Так, получение доказательств незаконным путем влияет на установление его достоверности (применение физического или психического насилия, фальсификация доказательств и др.)» [23, с. 9].

При этом Н.В. Лантух замечает, что «анализ правовых норм свидетельствует об отсутствии в ч. 1 ст. 88 УПК РФ указания на фактический характер сведений, претендующих на статус доказательств. В этой связи установление достоверности предполагает положительный вывод о наличии

реальных фактов, подтвержденных результатами проверки и оценки, производимыми с соблюдением требований уголовно-процессуального закона» [19, с. 86].

В системе доказательственного права уголовного судопроизводства свойство достаточности доказательств (в их совокупности) занимает особое положение, выступая завершающим критерием оценки доказательственной базы перед принятием окончательного процессуального решения. Данное свойство представляет собой комплексную характеристику, отражающую способность всей совокупности собранных по делу доказательств обеспечивать всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и формировать прочную основу для вынесения обоснованного и справедливого судебного акта.

Достаточность доказательств как правовая категория предполагает их качественно-количественную характеристику, при которой: во-первых, доказательства охватывают все без исключения существенные элементы состава преступления; во-вторых, позволяют однозначно установить наличие или отсутствие каждого из обстоятельств, подлежащих доказыванию; в-третьих, исключают разумные сомнения в достоверности установленных фактов; в-четвертых, обеспечивают внутреннюю согласованность и непротиворечивость доказательственной базы. Как справедливо отмечает Ю.Н. Назаренко, «отсутствие какой-либо стороны аспекта доказательства приводит к недопустимости использования доказательства в уголовном процессе» [22, с. 107], что подчеркивает системный характер требования достаточности, предполагающий комплексную оценку всех элементов доказательственной конструкции.

При этом достаточность доказательств не следует отождествлять с их избыточностью - речь идет о достижении такого уровня доказанности, который позволяет суду сформировать внутреннее убеждение, соответствующее критериям законности, обоснованности и мотивированности принимаемого решения. Особое значение принцип

достаточности приобретает при оценке косвенных доказательств, где требуется установление непротиворечивой системы взаимосвязанных доказательств, образующих единую логическую цепочку, исключающую альтернативные толкования установленных фактов.

Рассмотрев ключевые свойства доказательств - относимость, допустимость, достоверность и достаточность, - представляется методологически обоснованным перейти к анализу классификации доказательств в уголовном процессе, что позволит глубже раскрыть их процессуальную природу и функциональные особенности в системе средств доказывания. Классификационный подход к изучению доказательств обеспечивает их системное осмысление через призму различных критериев, что имеет существенное значение как для теории доказательственного права, так и для практики его применения.

1.3 Классификация доказательств в уголовном процессе

Классификация доказательств в уголовном процессе представляет собой важнейший методологический инструмент, обладающий существенной теоретической и практической значимостью. В доктринальном плане систематизация доказательств способствует структурированию научного знания о доказательственном праве, позволяя выявить системные связи между различными видами доказательств, определить их специфические свойства и функциональные особенности. Как подчеркивают ведущие специалисты в области процессуального права, классификационный подход играет фундаментальную роль в формировании теоретической основы, необходимой для всестороннего исследования доказательственной деятельности. Данный методологический инструмент позволяет систематизировать многообразие доказательств, выделяя их существенные признаки и критерии дифференциации, что, в свою очередь, создает предпосылки для углубленного анализа их природы, функций и процессуального значения.

Классификационный подход способствует выявлению устойчивых закономерностей, лежащих в основе процессов формирования, проверки и оценки доказательств. Как отмечают ведущие процессуалисты, он обеспечивает возможность изучения этих процессов не изолированно, а в контексте их взаимосвязи и взаимозависимости, что особенно важно для понимания комплексной динамики доказывания. Такой анализ позволяет установить, каким образом различные виды доказательств взаимодействуют между собой, как их свойства влияют на достоверность и допустимость, а также как они соотносятся с принципами состязательности и объективной истины.

Более того, применение классификационного подхода способствует развитию доктринальных положений, касающихся доказательственного права, поскольку он предоставляет исследователям структурированную систему координат для оценки эффективности существующих процессуальных механизмов. Это, в свою очередь, открывает перспективы для совершенствования законодательства и судебной практики, обеспечивая более точное соответствие между теоретическими конструкциями и практическими потребностями правоприменения. Таким образом, классификационный подход служит не только инструментом научного познания, но и важным элементом оптимизации процессуальной деятельности.

Прикладное значение классификации доказательств проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, она обеспечивает более точное применение норм доказательственного права, поскольку различные категории доказательств подчиняются специфическим правилам собирания, проверки и оценки. Во-вторых, систематизация доказательств способствует формированию единообразной судебной практики, создавая ориентиры для правоприменителей при оценке доказательственной базы. В-третьих, классификационный подход предоставляет участникам процесса эффективные инструменты для построения стратегии доказывания, позволяя

оптимально использовать имеющиеся доказательственные ресурсы с учетом их процессуальных характеристик и доказательственной силы.

Многообразие подходов к классификации доказательств в уголовном процессе является закономерным следствием сложности и многогранности самого феномена доказательств, который представляет собой комплексную процессуальную категорию, обладающую множеством аспектов и характеристик. Существующие классификационные модели отражают различные методологические позиции исследователей, а также обусловлены спецификой уголовно-процессуального регулирования, особенностями судебной практики и доктринальными интерпретациями.

Среди множества возможных критериев систематизации доказательств наиболее существенное значение, с точки зрения их процессуальной роли и доказательственной силы, имеет классификация по природе доказательств, то есть по их отношению к предмету доказывания. «В рамках данного подхода традиционно выделяются прямые и косвенные доказательства, разграничение которых основано на характере их связи с устанавливаемыми обстоятельствами дела. Прямые доказательства обладают непосредственной, связью с доказываемым фактом, поскольку их содержание прямо и однозначно указывает на наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу» [36, с. 159].

Характерным примером прямых доказательств могут служить показания очевидца преступления, который непосредственно воспринимал событие правонарушения, или признание обвиняемого, содержащее изложение обстоятельств, входящих в его виновность. Их ключевой отличительной чертой является способность самостоятельно, без необходимости построения дополнительных логических умозаключений, устанавливать искомый факт, что обусловлено прямым соответствием между содержанием доказательства и элементом предмета доказывания. Данное свойство делает прямые доказательства особенно значимыми в процессе доказывания, поскольку они обладают высокой степенью информативности и позволяют суду

непосредственно убедиться в наличии или отсутствии соответствующих обстоятельств.

Вместе с тем, несмотря на свою доказательственную ценность, прямые доказательства не являются абсолютно безупречными и требуют тщательной проверки на достоверность, поскольку их кажущаяся очевидность может быть подвержена искажениям вследствие субъективных факторов, таких как ошибки восприятия, преднамеренная ложь или процессуальные нарушения при их получении. Таким образом, даже при наличии прямых доказательств их оценка должна осуществляться в совокупности с другими материалами дела, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к исследованию доказательственной базы.

Косвенные доказательства, в отличие от прямых, не содержат непосредственной информации о доказываемом факте, а устанавливают лишь промежуточные (доказательственные) факты, которые в совокупности с другими доказательствами позволяют сделать вывод об искомом обстоятельстве. Их доказательственное значение проявляется только в системе взаимосвязанных доказательств, образующих логическую цепочку, ведущую к установлению истины по делу. Особенностью работы с косвенными доказательствами является необходимость тщательной проверки всех возможных версий и исключения альтернативных объяснений установленных фактов.

Разграничение доказательств на прямые и косвенные имеет принципиальное значение для практики доказывания, поскольку определяет специфику их процессуального исследования и оценки. Если прямые доказательства подлежат проверке главным образом на предмет их достоверности, то косвенные требуют дополнительной оценки с точки зрения их взаимосвязи с другими доказательствами и способности в совокупности с ними обеспечивать достоверные выводы по делу.

Как отмечают А.Н. Таран, О.А. Гошкодеря, «прямые доказательства указывают непосредственно на обстоятельства, подлежащие доказыванию, а

косвенные — на промежуточные обстоятельства. В качестве примера, прямыми будут показания свидетеля-очевидца происшествия, или показания лица, подозреваемого в совершении преступления, косвенным — обнаружение у лица предметов непосредственно связанных с местом преступления, отпечатки пальцев и следы обуви и прочие. Руководствуясь косвенными доказательствами, всегда напрашиваются как минимум два вывода. При прямом обосновании, альтернатив быть не может» [38, с. 379].

В современной уголовно-процессуальной доктрине сформировался и получил всеобщее признание принципиальный подход, согласно которому недопустимо априорное ранжирование доказательств по степени их процессуальной значимости исключительно на основании их принадлежности к категории прямых или косвенных. Эта научно обоснованная позиция представляет собой результат длительной эволюции теоретических взглядов на природу доказательств и процесс доказывания, отражая современный уровень понимания комплексного характера уголовно-процессуального познания.

Теоретической основой данного подхода выступает системная концепция доказывания, рассматривающая совокупность доказательств не как механическое соединение разрозненных элементов, а как целостный, динамически развивающийся комплекс, в котором различные виды доказательств находятся в состоянии постоянного взаимодействия. В рамках этой концепции подчеркивается, что прямые и косвенные доказательства выполняют в процессе доказывания взаимодополняющие и взаимопроверяющие функции, образуя тем самым единый механизм установления обстоятельств по делу.

С методологической точки зрения, отказ от априорного приоритета определенного вида доказательств обусловлен признанием того факта, что доказательственная сила каждого конкретного доказательства определяется не его формальной классификационной принадлежностью, а совокупностью качественных характеристик, включая его относимость, допустимость,

достоверность и достаточность в контексте конкретных обстоятельств дела. Такой подход соответствует фундаментальным принципам уголовного судопроизводства, в частности требованиям всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве.

Более того, современная доктринальная позиция учитывает потенциальную вариативность доказательственной значимости как прямых, так и косвенных доказательств в зависимости от конкретной процессуальной ситуации. Например, прямое доказательство, полученное с нарушением процессуальных норм, может утратить свою доказательственную ценность, тогда как система взаимосвязанных косвенных доказательств, образующих устойчивую совокупность, способна обеспечить достоверное установление обстоятельств преступления. Этот аспект особенно важен в контексте реализации принципа свободной оценки доказательств, предполагающего их исследование и оценку по внутреннему убеждению суда, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств.

Как справедливо отмечается в научной литературе, прямые доказательства, несмотря на их непосредственную связь с предметом доказывания, в силу своей субъективной природы часто требуют тщательной верификации через систему косвенных доказательств. Это обусловлено тем, что такие доказательства, как признание обвиняемого или показания очевидцев, могут содержать элементы добросовестного заблуждения, быть результатом психологического воздействия или умышленной фальсификации. В подобных случаях именно косвенные доказательства, устанавливающие вспомогательные факты, позволяют проверить достоверность прямых доказательств и сформировать целостную картину расследуемого события.

Более того, в условиях отсутствия прямых доказательств, что характерно для значительного числа уголовных дел, именно систематизированная совокупность косвенных доказательств, образующих непротиворечивую систему взаимосвязанных фактов, становится основой для формирования

внутреннего убеждения суда. При этом важно подчеркнуть, что уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает формальной иерархии доказательств, требуя их оценки в совокупности с учетом взаимной проверки и подтверждения.

Таким образом, эффективность механизма доказывания обеспечивается не противопоставлением различных категорий доказательств, а их системным взаимодействием, что позволяет достичь необходимого уровня достоверности устанавливаемых обстоятельств дела. Данный подход полностью соответствует принципу свободной оценки доказательств, закреплённому в уголовно-процессуальном законодательстве, и находит свое подтверждение в современной судебной практике.

В качестве иллюстрации практического применения различных видов доказательств целесообразно обратиться к анализу материалов уголовного дела, рассмотренного Усть-Вымским районным судом Республики Коми (приговор № 1-161/2023 от 29 сентября 2023 года) [34]. В данном случае подсудимая (ФИО1) совершила попытку неправомерного завладения денежными средствами посредством использования банковской карты потерпевшего, выразившуюся в совершении платежной операции на автозаправочной станции на сумму <Номер> и двух неудачных попытках снятия наличных средств через банкомат на общую сумму <Номер>, что создало реальную угрозу причинения материального ущерба потерпевшему.

В системе доказательств по данному делу ключевую роль сыграли прямые доказательства, представленные показаниями подсудимой, которая полностью признала свою вину. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ в судебном заседании были оглашены ее показания, данные на стадии предварительного расследования в качестве подозреваемой и обвиняемой, которые она впоследствии подтвердила. Данные показания имеют статус прямого доказательства, поскольку непосредственно устанавливают факт совершения противоправных действий и умысел виновного лица.

Параллельно в деле присутствовал комплекс косвенных доказательств, включающий: во-первых, банковские документы (выписки по счету из АО «Почта Банк»), подтверждающие факт совершения финансовых операций с использованием карты потерпевшего; во-вторых, sms-уведомления о проведенных операциях, обнаруженные в мобильном устройстве потерпевшего; в-третьих, вещественное доказательство в виде оптического носителя (DVD-R диска) с записью камер видеонаблюдения железнодорожного вокзала, зафиксировавших попытку подозреваемой осуществить cash-out операцию. Хотя ни один из этих элементов доказательств в отдельности не устанавливает непосредственно факт преступного деяния, в своей совокупности они образуют систему взаимосвязанных данных, подтверждающих обстоятельства дела и согласующихся с прямыми доказательствами.

Особую доказательственную ценность в данном случае представляет именно комплексный анализ прямых и косвенных доказательств, позволивший суду установить не только факт противоправных действий, но и их механизм, временные параметры, а также предпринятые виновным лицом меры по реализации преступного умысла. Данный пример наглядно демонстрирует практическую реализацию принципа взаимодополняемости различных видов доказательств в уголовном судопроизводстве.

В системе классификации доказательств в уголовном процессе особое значение имеет дифференциация по характеру их процессуального формирования, позволяющая выделить две фундаментальные категории: личные и вещественные доказательства. Данный критерий классификации, основанный на природе носителя информации и механизме ее фиксации, имеет существенное теоретическое и практическое значение для понимания специфики различных видов доказательств и особенностей их процессуального использования.

В системе доказательственного права личные доказательства занимают особое положение, представляя собой специфическую категорию сведений,

которые формируются и передаются посредством когнитивно-коммуникативной деятельности участников уголовного судопроизводства. Данный вид доказательств характеризуется принципиальной антропоцентричностью, поскольку их содержание, форма и информационная ценность непосредственно зависят от психических процессов, интеллектуальных способностей и коммуникативных навыков конкретных индивидов, вовлеченных в уголовный процесс.

Содержательная сущность личных доказательств заключается в том, что они представляют собой информацию, получаемую от субъектов уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов и других участников) через вербальные или знаковые системы ее выражения. Процессуальная особенность таких доказательств состоит в их двойственной природе: с одной стороны, они являются продуктом сознательного отражения объективной действительности, с другой - результатом субъективной интерпретации и изложения воспринятых сведений. Это обуславливает необходимость тщательного анализа как содержательного компонента таких доказательств, так и психофизиологических факторов, влияющих на их формирование.

Гносеологическая специфика личных доказательств проявляется в том, что их достоверность и полнота зависят от целого комплекса факторов, включая перцептивные возможности источника информации, особенности его памяти, способность к адекватному вербальному выражению мыслей, а также отсутствие сознательных или бессознательных искажений. В отличие от вещественных доказательств, существующих объективно, личные доказательства всегда проходят через призму индивидуального сознания, что придает им особый характер и требует специфических методов проверки и оценки.

Процессуальная форма закрепления личных доказательств может варьироваться от устных показаний до письменных объяснений, заключений экспертов и иных документов, содержащих сведения, исходящие от

конкретных лиц. При этом уголовно-процессуальное законодательство устанавливает особые требования к порядку их получения, фиксации и исследования, направленные на максимальное сохранение аутентичности передаваемой информации и минимизацию возможных искажений. Важно отметить, что именно личные доказательства часто составляют основу доказательственной базы по уголовному делу, поскольку позволяют восстановить событие преступления через призму человеческого восприятия и интерпретации.

В системе доказательств уголовного процесса вещественные доказательства занимают особое положение, обладая рядом специфических характеристик, которые отличают их от доказательств личного характера. Их принципиальное отличие заключается в материально-предметной природе носителя информации и объективном характере зафиксированных данных, что придает им особую доказательственную ценность в процессе установления обстоятельств уголовного дела.

«Гносеологическая особенность вещественных доказательств состоит в том, что они представляют собой материальные объекты, которые в силу своих физических свойств и характеристик несут информацию о событии преступления. К данной категории относятся: предметы материального мира, сохранившие на себе непосредственные следы преступного деяния (например, отпечатки пальцев, следы взлома, биологические следы); орудия преступления, то есть предметы, которые использовались для совершения противоправных действий; объекты преступных действий, включая предметы, на которые было непосредственно направлено преступное посягательство; иные предметы и документы, которые могут способствовать обнаружению преступления и установлению значимых для дела обстоятельств» [38, с. 380].

Важнейшей характеристикой вещественных доказательств является их способность сохранять и объективно отражать информацию о событии преступления независимо от субъективного восприятия участников процесса. В отличие от личных доказательств, которые всегда опосредованы сознанием

человека, вещественные доказательства представляют собой непосредственное отражение материальных изменений, произошедших в результате преступного деяния. Это свойство делает их особенно ценными для установления объективной истины по делу, поскольку они менее подвержены субъективным искажениям и преднамеренным изменениям.

Процессуальный режим вещественных доказательств предполагает особый порядок их обнаружения, изъятия, фиксации и исследования. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает строгие требования к оформлению вещественных доказательств, включая составление протоколов осмотра, применение научно-технических средств фиксации и обеспечение надлежащих условий хранения. Эти меры направлены на сохранение первоначальных свойств предметов и предотвращение утраты или изменения содержащейся в них доказательственной информации.

Особая доказательственная сила вещественных доказательств проявляется в их способности формировать устойчивую систему взаимосвязанных улик, которая может либо подтверждать показания участников процесса, либо выступать в качестве самостоятельного средства доказывания. В современных условиях развития криминалистической техники и экспертных методов исследования значение вещественных доказательств существенно возрастает, поскольку новые технологии позволяют извлекать из них все более точную и детализированную информацию о расследуемом событии.

Теоретическое значение данной классификации заключается в том, что она позволяет выявить принципиальные различия в механизмах формирования, закрепления и оценки различных видов доказательств, что имеет непосредственное значение для разработки оптимальных процедур их собирания, проверки и оценки. Практическая ценность классификации проявляется в необходимости учета этих различий при построении стратегии доказывания, выборе методов исследования доказательств и определении их доказательственной силы в конкретных процессуальных ситуациях.

Важно отметить, что несмотря на существенные различия между личными и вещественными доказательствами, в процессе доказывания они не противопоставляются, а выступают как взаимодополняющие элементы единой системы, обеспечивающей всестороннее и объективное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Их комплексное использование позволяет преодолеть ограничения, присущие каждому виду доказательств в отдельности, и достичь необходимого уровня достоверности устанавливаемых фактов.

Как отмечают А.Н. Таран, О.А. Гошкодеря, «личными доказательствами считаются все сведения, которые исходят от людей: показания обвиняемых, подозреваемых, свидетелей, потерпевших, заключения и показания экспертов и специалистов, а также протоколы следственных и судебных действий. Общим для такого рода доказательств является психическое восприятие человеком определенных событий и передача их в языковой форме. Вещественные доказательства — это предметы, которые объективно, в силу своих собственных качеств, а также связей с иными обстоятельствами, могут служить средством к установлению искомых по делу обстоятельств. В законодательстве к вещественным доказательствам относятся любые предметы, которые обладают определенными качествами (ч. 1, ст. 81 УПК РФ)» [38, с. 380].

В контексте исследования классификации доказательств по механизму их формирования показательным представляется анализ материалов уголовного дела, рассмотренного Динским районным судом (приговор № 1-319/2023 от 26 сентября 2023 года) [30].

В системе доказательств по данному делу личные доказательства были представлены, во-первых, показаниями самого подсудимого, содержащими признание вины в полном объеме. Данные показания, будучи результатом психического восприятия и последующего вербального воспроизведения событий самим участником преступления, обладают высокой доказательственной ценностью как непосредственное подтверждение факта

совершения противоправных действий. Во-вторых, к личным доказательствам были отнесены заключения почерковедческих экспертиз, установивших принадлежность рукописных записей на почтовом отправлении (указывающих адреса отправителя и получателя) подсудимому ФИОЗ. Эти экспертные заключения, основанные на специальных познаниях, сыграли существенную роль в доказывании факта непосредственного участия обвиняемого в противоправной деятельности.

Вещественные доказательства по делу включали: изъятые в ходе следственных действий порошкообразные вещества, идентифицированные в ходе химических экспертиз как содержащие наркотические средства; материальные носители информации - почтовые конверты с рукописными реквизитами, имеющими непосредственное отношение к механизму совершения преступления. Данные предметы материального мира, сохранившие на себе следы преступной деятельности, выступали в качестве объективных доказательств, не зависящих от субъективного восприятия участников процесса.

Представленный пример наглядно демонстрирует практическое значение классификации доказательств по механизму их формирования, показывая, как взаимодействие личных и вещественных доказательств позволяет сформировать полную и достоверную картину преступного деяния. Комплексный анализ различных по природе доказательств обеспечил в данном случае всестороннее установление обстоятельств дела и обоснованность вынесенного судебного решения.

В рамках уголовно-процессуального права одним из ключевых классификационных признаков доказательств является их отношение к предмету обвинения. Данный критерий позволяет дифференцировать доказательства на две принципиально различные категории: обвинительные и оправдательные.

В системе уголовно-процессуального доказывания обвинительные доказательства представляют собой комплекс фактических данных,

обладающих свойством относимости и допустимости, которые в своей совокупности подтверждают наличие состава преступления и устанавливают виновность конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Данная категория доказательств включает разнородные по своей природе и процессуальной форме сведения: показания свидетелей, непосредственно наблюдавших событие преступления или располагающих информацией о причастности обвиняемого; вещественные доказательства, содержащие материальные следы противоправных действий; заключения экспертов, содержащие профессиональную оценку специальных вопросов; документы и иные носители информации, объективно свидетельствующие о факте совершения преступления и роли в нем обвиняемого. Эти доказательства образуют фундаментальную основу обвинительного тезиса и используются государственным обвинителем для последовательного обоснования своей позиции в ходе судебного разбирательства, формируя логически связанную систему аргументации, направленную на установление истины по делу.

Оправдательные доказательства составляют процессуальную антитезу обвинительным, выполняя принципиально иную функцию в механизме уголовного судопроизводства. Их содержательная сущность заключается в способности опровергать или существенно ослаблять обвинительную конструкцию, указывая на: отсутствие самого события преступления; непричастность конкретного лица к инкриминируемому деянию; наличие обстоятельств, исключающих преступность или наказуемость содеянного; существенное смягчение степени общественной опасности деяния или роли в нем обвиняемого. Особое процессуальное значение оправдательных доказательств детерминировано фундаментальным принципом презумпции невиновности, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве, который устанавливает, что всякое неустранимое сомнение толкуется в пользу обвиняемого.

Гносеологическая ценность оправдательных доказательств заключается в их способности выполнять контрольную функцию по отношению к

обвинительной версии, обеспечивая тем самым всесторонность и объективность судебного исследования. В отличие от обвинительных доказательств, которые, как правило, систематизированы и целенаправленно используются стороной обвинения, оправдательные доказательства зачастую требуют активной процессуальной деятельности со стороны защиты по их выявлению, закреплению и представлению в суд. Это обстоятельство подчеркивает особую роль защитника в механизме обеспечения состязательности уголовного процесса, поскольку именно на него возлагается обязанность по поиску и использованию доказательств, способных поставить под сомнение обвинительную конструкцию.

Диалектическое взаимодействие обвинительных и оправдательных доказательств в уголовном процессе создает необходимые условия для реализации принципа объективной истины, обеспечивая баланс между интересами государства в сфере уголовного преследования и защитой прав личности от необоснованного обвинения. При этом современная доктрина уголовного процесса исходит из того, что процессуальная ценность доказательства определяется не его формальной принадлежностью к обвинительным или оправдательным, а способностью достоверно устанавливать значимые для дела обстоятельства, что соответствует принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда.

Таким образом, разделение доказательств на обвинительные и оправдательные отражает их функциональную направленность в процессе доказывания и соответствует принципу состязательности сторон. Это подчеркивает необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, что является гарантией вынесения законного и обоснованного судебного решения.

Как отмечают А.Н. Таран, О.А. Гошкодеря, «обычно к обвинительным относят доказательства, которые устанавливают наличие общественно опасного деяния, совершение его определенным лицом, его вину и существенных признаков, отягчающие ответственность, а к оправдательным –

свидетельствующие об отсутствии общественно опасного деяния, невиновности лица либо о смягчающих существенных обстоятельствах» [38, с. 381].

В качестве иллюстрации обвинительных доказательств целесообразно обратиться к материалам уголовного дела, рассмотренного Кувшинским городским судом, о чем свидетельствует Приговор № 1-143/2023 от 29 сентября 2023 года по делу № 1-143/2023 [31]. В данном случае подсудимая ФИО1 была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, с применением предмета, используемого в качестве оружия.

Обвинительная позиция в рассматриваемом деле базировалась на совокупности доказательств, включающих показания очевидцев происшествия, заключения судебно-медицинских экспертов, а также вещественные доказательства, изъятые в ходе следственных действий. К последним относятся: фрагмент туалетной бумаги со следами вещества красно-бурого цвета, морфологически сходного с кровью; четыре ножа с деревянными и полимерными рукоятками; нож с рукоятью из полимерного материала коричневого цвета. Указанные материальные объекты подверглись соответствующему экспертно-криминалистическому исследованию, результаты которого подтвердили их относимость к расследуемому событию.

Таким образом, представленный пример наглядно демонстрирует процессуальную функцию обвинительных доказательств, которые в своей совокупности образуют систему взаимосвязанных и взаимодополняющих данных, достаточных для обоснования вывода о виновности лица в совершении инкриминируемого деяния.

В качестве примера процессуальной значимости оправдательных доказательств представляет интерес анализ судебной практики, отраженной в Приговоре Свердловского областного суда № 22-5051/2023 от 4 октября 2023 года [33]. Первоначально Каменским районным судом обвиняемый 2 был

признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). Инкриминируемое деяние было совершено в состоянии алкогольного опьянения в ходе межличностного конфликта, возникшего на территории базы отдыха «Богатырь», при этом нанесенные повреждения стали непосредственной причиной наступления летального исхода.

Однако судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда, осуществляя проверку законности и обоснованности вынесенного решения в апелляционном порядке, пришла к выводу о необходимости отмены обвинительного приговора. В соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвиняемый 2 был признан невиновным и оправдан по предъявленному обвинению ввиду отсутствия в его действиях состава преступления.

Ключевую роль в принятии данного решения сыграли оправдательные доказательства, которые не получили надлежащей оценки в суде первой инстанции. К их числу относятся показания единственного очевидца происшествия, заключения судебно-медицинских экспертов, а также результаты дополнительных экспертных исследований. Совокупность этих данных опровергала первоначальную версию обвинения, свидетельствуя о том, что обвиняемый не совершал в отношении потерпевшего насильственных действий в форме толчка, а наступление смерти обусловлено иными причинами, не связанными с противоправным поведением оправданного.

Представленный случай наглядно демонстрирует значение всестороннего и объективного исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. Оправдательные доказательства, будучи должным образом оцененными вышестоящей судебной инстанцией, позволили исправить судебную ошибку и восстановить принцип презумпции невиновности, что

подчеркивает их важную защитную функцию в механизме уголовно-правового регулирования.

Четвёртый классификационный признак – по источникам установления доказательств.

Согласно данному признаку можно выделить первоначальные и производные доказательства. «Первоначальными считаются доказательства, которые получены из первоисточника, производные, полученные из промежуточного, из второго или последующего источника. Так, первоначальным доказательством будут показания свидетеля-очевидца, а производным — показания свидетеля о событиях, известных ему со слов другого лица. К первоначальным также могут быть отнесены подлинник документа, вещественное доказательство-оригинал, к производным — их копии либо какие-то иные модели вещественного доказательства. Основное отличие первоначальных и производных доказательств заключается в процессе формирования их источника. У производных в этом процессе всегда имеется дополнительное звено, промежуточный источник информации» [38, с. 381].

В контексте исследования доказательственной базы по делам о преступлениях против собственности показателей Приговор Октябрьского районного суда города Томска № 1-632/2023 от 29 сентября 2023 года по делу № 1-632/2023 [32]. В данном случае ФИОЗ был признан виновным в совершении грабежа, то есть открытого хищения чужого имущества (часть 1 статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Формирование доказательственной базы по данному уголовному делу началось с показаний свидетеля Ц., который в ходе следственных действий сообщил, что наблюдал на записи с камер видеонаблюдения противоправные действия неизвестного лица в отношении потерпевшей Й. 27 сентября 2022 года. Свидетель Ц. идентифицировал лицо, совершившее грабеж, как ФИОЗ, после чего сделал фотографию с видеозаписи и предоставил информацию, способствовавшую задержанию подозреваемого.

Дополнительным доказательством виновности ФИОЗ стали показания продавца У., которая опознала его как лицо, предлагавшее ей приобрести одну из похищенных сережек.

Представленный пример иллюстрирует типичную структуру доказательств по делам о грабежах, где ключевую роль играют показания свидетелей-очевидцев, материалы видеонаблюдения, а также свидетельские показания, подтверждающие факт реализации похищенного имущества. Совокупность этих доказательств позволила суду сделать обоснованный вывод о виновности ФИОЗ в совершении инкриминируемого ему деяния [29].

И, наконец, п. 2 ст. 74 УПК РФ регламентирует отдельные виды доказательств. Так, согласно п. 2 ст. 74 УПК РФ, в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта (заключение и показания специалиста); вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [39].

Рассмотрим данные виды доказательств более подробно в следующей главе.

Подводя итоги комплексного теоретического анализа, изложенного в первой главе выпускной квалификационной работы, следует констатировать, что институт доказательств в системе уголовного судопроизводства представляет собой сложную, многоаспектную правовую конструкцию, обладающую собственным категориальным аппаратом, структурой и функциональным назначением. Данный институт получил детальную процессуальную регламентацию в разделе III Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности в главе 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве», что подчеркивает его системообразующую роль в механизме уголовно-процессуального доказывания.

Анализ правовой сущности доказательств позволяет выделить систему их существенных признаков, получивших законодательное закрепление. Во-первых, доказательства обладают информационным характером, представляя

собой сведения о фактах, имеющих значение для дела. Во-вторых, они должны быть получены в строгом соответствии с процедурой, установленной уголовно-процессуальным законом, что подразумевает соблюдение всех требований к процессуальной форме их собирания и закрепления. В-третьих, доказательства должны находиться в отношении к расследуемому уголовному делу, то есть обладать свойством относимости. Особое методологическое значение имеет положение пункта 1 статьи 88 УПК РФ, устанавливающее, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела. Эти критерии формируют систему требований к доказательствам как к средствам установления истины по делу.

Классификационный подход к изучению доказательств выступает важным инструментом их научного осмысления и практического применения в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт доказательств в уголовном процессе представляет собой строго формализованную систему информационных элементов, обладающих специфическими свойствами и поддающихся научной классификации по различным критериям. Теоретическая разработка проблем доказательственного права имеет фундаментальное значение как для развития доктрины уголовного процесса, так и для совершенствования практики применения уголовно-процессуального законодательства, обеспечивая баланс между необходимостью эффективного раскрытия преступлений и защитой прав участников уголовного судопроизводства.

Глава 2 Анализ отдельных видов доказательств

2.1 Показания как вид доказательств

Представим характеристику отдельных видов доказательств. Как было отмечено ранее, п. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств выделяет показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта (заключение и показания специалиста); вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [39].

Рассмотрим доказательства в виде показаний участников уголовного процесса, а именно подозреваемого, обвиняемого; потерпевшего; свидетеля.

Итак, рассмотрим показания подозреваемого, обвиняемого.

Прежде всего, раскроем понятия подозреваемого и обвиняемого.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ «подозреваемым является лицо:

- либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ;
- либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ;
- либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ;
- либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ» [39].

Часть 2 ст. 46 регламентирует, что «подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьей 91 УПК РФ, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания» [39].

В соответствии со ст. 76 УПК РФ «показания подозреваемого – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187 - 190 УПК РФ» [39].

На основании п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ «подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения

либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 УПК РФ» [39].

Также на основании п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе представлять доказательства.

В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ «обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

- вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;
- вынесен обвинительный акт;
- составлено обвинительное постановление» [39].

Показания обвиняемого, в соответствии с ч. 1 ст. 77 УПК РФ «представляют собой сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187-190 и 275 УПК РФ» [39].

На основании ч. 2 ст. 77 УПК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

На основании п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 УПК РФ.

Также на основании п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе представлять доказательства.

В научной литературе подчеркивается, что вопрос о предмете показаний подозреваемого и обвиняемого остается недостаточно регламентированным в действующем законодательстве. Как отмечает И.Б. Кулиев, «предмет показаний подозреваемого и обвиняемого законом не определен» [18, с. 46]. Данный пробел в правовом регулировании создает определенные сложности в процессе уголовного судопроизводства, поскольку отсутствие четких критериев затрудняет единообразное применение норм на практике.

Особого научного внимания заслуживает исследование правовой природы показаний подозреваемого и обвиняемого как специфического вида доказательств в системе уголовного судопроизводства. Данный вопрос приобретает особую актуальность в контексте анализа процессуальных гарантий прав личности при осуществлении уголовного преследования. Как отмечает исследователь, «для данной категории дача показаний является правом, поэтому привлечение к уголовной ответственности за отказ или предоставление ложных сведений не предусмотрено» [18, с. 46]. Этот принципиальный тезис отражает фундаментальные особенности процессуального статуса указанных участников уголовного процесса, обусловленные их положением в системе уголовного судопроизводства и необходимостью обеспечения эффективной защиты от предъявляемых обвинений.

Юридическая природа показаний подозреваемого и обвиняемого коренным образом отличается от показаний иных участников процесса, что проявляется в их добровольном характере и отсутствии ответственности за отказ от дачи показаний либо за сообщение заведомо ложных сведений. Такая правовая конструкция основывается на конституционных принципах презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ) и права не свидетельствовать против себя самого (статья 51 Конституции РФ), что создает необходимые процессуальные гарантии для реализации права на защиту. При этом важно подчеркнуть, что добровольный характер дачи показаний подозреваемым и обвиняемым не снижает их доказательственного

значения, а лишь подчеркивает особый статус этих участников процесса как субъектов защиты, а не источников доказательственной информации.

Однако рассматриваемая правовая модель порождает ряд существенных практических проблем в процессе доказывания. Поскольку подозреваемые и обвиняемые обладают прямой процессуальной заинтересованностью в исходе уголовного дела, на практике часто встречаются ситуации, когда они либо полностью отказываются от дачи показаний, либо сознательно искажают информацию о существенных обстоятельствах дела. Как показывают исследования, подобное поведение характерно для 60-70% случаев при производстве по уголовным делам [18, с. 47], что существенно осложняет процесс установления объективной истины и может негативно отражаться на эффективности предварительного расследования.

Указанные обстоятельства актуализируют проблему поиска процессуального баланса между обеспечением права на защиту и необходимостью установления истины по уголовному делу. С одной стороны, абсолютный характер права на молчание является важной гарантией от самооговора и злоупотреблений со стороны органов уголовного преследования. С другой стороны, полное отсутствие ответственности за дачу заведомо ложных показаний создает предпосылки для воспрепятствования правосудию и может использоваться в целях увода от ответственности. Данная дилемма требует глубокого научного осмысления и поиска оптимальных правовых механизмов, позволяющих сохранить баланс между конституционными правами личности и интересами правосудия.

Особую сложность представляет вопрос оценки достоверности показаний подозреваемого и обвиняемого в условиях отсутствия возможности привлечения к ответственности за ложные показания. Как показывает практика, в таких условиях возрастает значение косвенных доказательств, вещественных доказательств и заключений экспертов, которые могут служить объективным средством проверки добровольных показаний обвиняемых лиц. Это подчеркивает необходимость совершенствования методик работы с

доказательствами и развития системы процессуальных гарантий, обеспечивающих как права обвиняемых, так и интересы правосудия.

В свете изложенных проблемных аспектов, связанных с получением и оценкой показаний подозреваемых и обвиняемых, представляется методологически обоснованным сосредоточить научное внимание на разработке эффективных процессуальных и криминалистических механизмов работы с данным видом доказательств. Особую значимость приобретает совершенствование тактических приемов допроса, направленных на создание условий для добровольного дачи правдивых показаний, при строгом соблюдении принципов законности и уважения прав личности.

Ключевым элементом данной стратегии является комплексное разъяснение подозреваемым и обвиняемым правовых последствий чистосердечного признания, включая его значение как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность в соответствии с пунктом "и" части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации. Практика показывает, что грамотное и своевременное доведение данной информации способствует формированию мотивации к сотрудничеству с органами следствия, что в конечном итоге позитивно отражается на качестве расследования. При этом важно подчеркнуть, что подобные разъяснения должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями статьи 51 Конституции РФ, исключаящими какое-либо принуждение к даче показаний.

С процессуальной точки зрения, эффективность рассматриваемых мер во многом зависит от соблюдения ряда условий: во-первых, разъяснение должно производиться на ранних стадиях уголовного судопроизводства, предпочтительно - непосредственно перед первым допросом; во-вторых, информация должна подаваться в доступной форме с учетом индивидуальных особенностей восприятия допрашиваемого; в-третьих, факт разъяснения подлежит обязательному фиксации в протоколе следственного действия. Такой подход позволяет минимизировать риски последующего оспаривания доказательственного значения полученных показаний.

Параллельно с этим важное значение приобретает разработка и внедрение специальных тактических приемов ведения допроса, основанных на принципах психологического контакта, логического анализа получаемой информации и своевременной проверки достоверности показаний. Речь идет о таких методах, как детализация показаний, их сопоставление с имеющимися доказательствами, использование элементов когнитивного интервью и других научно обоснованных методик. Особую эффективность демонстрируют приемы, позволяющие выявить внутренние противоречия в показаниях без применения давления или психологического манипулирования.

Таким образом, несмотря на отсутствие возможности привлечения подозреваемых и обвиняемых к ответственности за отказ от дачи показаний или сообщение ложных сведений, современная следственная практика располагает достаточно широким арсеналом процессуальных средств и криминалистических приемов, позволяющих минимизировать негативные последствия, связанные с недостоверностью информации. Реализация указанных мер в совокупности с совершенствованием системы процессуальных гарантий способна обеспечить разумный баланс между защитой прав личности и интересами правосудия, что в конечном итоге будет способствовать достижению объективной истины по уголовному делу.

И.Б. Кулиев отмечает, что «традиционно показания уголовно-преследуемого лица делят на две категории: о признании или частичном признании вины, об отрицании признания своей вины. Признание вины, равно как и ее отрицание также подлежит проверке, и должно быть подтверждено другими доказательствами, дабы исключить неправомерное «взятие вины на себя» и избежание уголовной ответственности действительно виновного лица (ст. 77 УПК)» [18, с. 46].

В современной уголовно-процессуальной доктрине наблюдается повышенный научный интерес к проблематике проверки и подтверждения показаний подозреваемых и обвиняемых, что обусловлено их особой доказательственной природой и существенным влиянием на формирование

внутреннего убеждения суда. Данный вопрос приобретает принципиальное значение в контексте обеспечения законности и обоснованности судебных решений, поскольку именно показания этих участников процесса зачастую становятся ключевым элементом системы доказательств по уголовному делу. Как отмечают исследователи, процессуальная оценка достоверности таких показаний требует разработки специальных критериев и методик, учитывающих их специфику как средств защиты от предъявленного обвинения.

Особое внимание в научной литературе уделяется необходимости четкой дифференциации показаний подозреваемых и обвиняемых по временному и процессуальному критерию, а именно их разделению на две принципиально важные категории: «показания, данные в ходе предварительного следствия, и показания, озвученные непосредственно в судебном заседании. Такая классификация имеет существенное методологическое значение, поскольку каждая из указанных форм обладает уникальными процессуальными характеристиками, обусловленными различиями в условиях их получения, фиксации и последующего исследования. Показания, зафиксированные на стадии предварительного расследования, как правило, отражают первоначальную позицию лица по отношению к инкриминируемому деянию и формируются в условиях ограниченной состязательности. В то же время показания в судебном заседании даются в условиях полной реализации принципа состязательности сторон и непосредственности исследования доказательств, что существенно влияет на их содержание и доказательственную ценность» [18, с. 46].

Различия в процессуальной природе указанных видов показаний обуславливают необходимость применения дифференцированного подхода к оценке их достоверности. Применительно к показаниям, данным в ходе предварительного следствия, особое значение приобретает анализ соблюдения всех процессуальных требований при их получении, включая правила проведения допроса, фиксации результатов и разъяснения прав. В отношении

же показаний, данных в судебном заседании, акцент смещается на оценку их логической согласованности, соответствия другим доказательствам по делу и поведения допрашиваемого лица в ходе судебного разбирательства.

Современная уголовно-процессуальная наука исходит из того, что комплексная проверка показаний подозреваемых и обвиняемых должна включать несколько взаимосвязанных этапов: анализ процессуальной формы их получения; установление соответствия фактическим обстоятельствам дела; выявление возможных противоречий с другими доказательствами; оценку мотивационной составляющей дачи показаний. Такой многоаспектный подход позволяет минимизировать риски принятия судебных решений на основании недостоверной информации и способствует реализации принципа объективной истины в уголовном судопроизводстве.

При этом важно учитывать, что оценка показаний подозреваемых и обвиняемых не может осуществляться изолированно от других доказательств по делу. Как подчеркивается в доктрине, их достоверность должна проверяться в системе всей совокупности собранных доказательств, с обязательным учетом правил, установленных статьей 88 УПК РФ. Такой системный подход особенно важен в случаях, когда показания, данные на разных стадиях процесса, существенно отличаются друг от друга или противоречат установленным по делу обстоятельствам.

В системе уголовного судопроизводства ключевым условием обеспечения справедливого и объективного правосудия выступает фундаментальное требование о необходимости подтверждения показаний подозреваемого или обвиняемого совокупностью иных доказательств, собранных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Этот принцип, получивший нормативное закрепление в статье 317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой важную гарантию против вынесения необоснованных судебных решений, основанных исключительно на признательных показаниях обвиняемого.

Теоретическое обоснование данного требования заключается в осознании потенциальной уязвимости показаний подозреваемых и обвиняемых к различным формам внешнего воздействия, включая психологическое давление, физическое принуждение или иные незаконные методы ведения следствия. Исторический опыт и современная судебная практика демонстрируют, что признательные показания, не подкрепленные иными доказательствами, могут являться результатом самооговора, психического расстройства обвиняемого, желания скрыть более серьезное преступление или защитить третьих лиц. В этой связи уголовно-процессуальное законодательство устанавливает строгий запрет на использование в качестве основы обвинительного приговора показаний подозреваемого или обвиняемого, не подтвержденных другими доказательствами по делу.

Анализ судебной практики свидетельствует о распространенности ситуаций, когда подсудимые в ходе судебного разбирательства отказываются от ранее данных показаний, ссылаясь на применение к ним незаконных методов воздействия со стороны сотрудников правоохранительных органов на стадии предварительного расследования. В таких случаях уголовно-процессуальный закон предусматривает специальный механизм оглашения ранее данных показаний в соответствии со статьей 281 УПК РФ, который направлен на устранение существенных противоречий в позиции обвиняемого и обеспечение всестороннего исследования доказательств. Однако важно подчеркнуть, что даже при наличии таких противоречий суд не вправе основывать обвинительный приговор исключительно на ранее данных показаниях без их надлежащего подтверждения иными доказательствами.

Методологически правильный подход к оценке доказательственной ценности показаний подозреваемого или обвиняемого предполагает их тщательный анализ в системе всей совокупности собранных по делу доказательств. Такой анализ должен включать проверку следующих аспектов: временных и причинно-следственных связей между показаниями и

установленными по делу обстоятельствами; соответствия показаний данным вещественных доказательств и заключений экспертиз; наличия или отсутствия корыстных мотивов в изменении показаний; психофизиологического состояния лица в момент дачи показаний. Только комплексная оценка всех этих факторов позволяет суду сформировать обоснованное внутреннее убеждение относительно достоверности показаний и их роли в системе доказательств по делу.

Современная доктрина уголовного процесса исходит из того, что принцип подтверждения показаний подозреваемого или обвиняемого иными доказательствами служит важной гарантией реализации конституционных принципов презумпции невиновности и состязательности сторон, обеспечивая баланс между интересами уголовного преследования и защитой личности от необоснованного обвинения. Данный принцип также способствует повышению качества предварительного расследования, стимулируя следственные органы к поиску объективных доказательств, а не к ориентации исключительно на получение признательных показаний.

Однако в судебной практике сложилась тенденция, согласно которой суды зачастую отдают приоритет показаниям, зафиксированным в материалах предварительного следствия, а не тем, которые были озвучены непосредственно в зале суда. Такой подход может привести к критической оценке изменений в показаниях подсудимого и формированию вывода о его намерении избежать уголовной ответственности путем отказа от ранее данных признательных показаний. Подобная практика вызывает дискуссии в научной среде, поскольку ставит под сомнение соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Показания, полученные в ходе предварительного расследования, а также их оглашение в суде, должны подвергаться тщательной проверке на предмет соответствия этим критериям. Проблема заключается в том, что судьи нередко априори рассматривают показания, данные на следствии, как более надежные, что может повлечь за собой нарушение принципа объективности при оценке

доказательств. Кроме того, подобный подход способен создать предпосылки для судебных ошибок, особенно в случаях, когда имеются веские основания полагать, что первоначальные показания были даны под воздействием внешнего давления.

Таким образом, при рассмотрении уголовных дел судам необходимо учитывать всю совокупность представленных доказательств, а также обеспечивать соблюдение принципов справедливости и беспристрастности. Процессуальная оценка показаний подозреваемого или обвиняемого представляет собой сложную многоаспектную деятельность, требующую комплексного подхода, основанного на принципах всесторонности, полноты и объективности исследования доказательств. Данная оценка должна осуществляться не изолированно, а в строгой взаимосвязи с конкретными обстоятельствами уголовного дела, что предполагает обязательный учет всей совокупности факторов, способных повлиять на достоверность и доказательственную ценность таких показаний. Ключевое значение при этом приобретает анализ возможных мотивов изменения показаний, который должен включать исследование как субъективных (личная заинтересованность, психологическое состояние, давление со стороны третьих лиц), так и объективных (новые обнаруженные доказательства, изменение квалификации деяния) причин такого поведения.

Методологически правильная оценка показаний подозреваемого или обвиняемого предполагает последовательное решение нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо установить наличие или отсутствие объективных подтверждений достоверности показаний, что требует их тщательного сопоставления с другими доказательствами по делу, включая вещественные доказательства, заключения экспертов, показания свидетелей и потерпевших. Во-вторых, обязательному анализу подлежит процессуальная история показаний - их изменение на различных стадиях уголовного судопроизводства, причины и условия таких изменений. В-третьих, особого внимания заслуживает исследование условий, в которых

были даны первоначальные показания, включая соблюдение всех процессуальных гарантий прав подозреваемого и обвиняемого.

Оценка доказательств не может ограничиваться формальным сопоставлением показаний с другими доказательствами, а должна включать глубокий анализ их внутренней логики, последовательности и соответствия установленным по делу фактическим обстоятельствам.

Современная доктрина уголовного процесса исходит из того, что именно такой дифференцированный и контекстуальный подход к оценке показаний подозреваемого или обвиняемого позволяет реализовать принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда, закрепленный в статье 17 УПК РФ, при этом обеспечивая необходимые гарантии от субъективизма и предвзятости. Это особенно важно в свете конституционного принципа презумпции невиновности, который требует, чтобы любые сомнения в достоверности доказательств толковались в пользу обвиняемого. Таким образом, предлагаемый подход не только способствует достижению объективной истины по делу, но и служит важной гарантией защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Следующий вид доказательств – показания потерпевшего.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице» [39].

Также ч. 2 ст. 42 УПК РФ определяет перечень прав потерпевшего, среди которых есть право представлять доказательства. Также в данной статье

отмечается, что при согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний;

Ст. 78 УПК РФ определяет, что «показания потерпевшего - сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187-191 и 277 УПК РФ» [39]. Потерпевший может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым.

Б.Т. Безлепкин отмечает, что «особенное положение показаний потерпевшего в системе доказательств по уголовному делу обуславливается двумя аспектами. Во-первых, потерпевшему лучше иных участников уголовного судопроизводства известны нюансы и обстоятельства совершения преступления (в большинстве случаев). Именно этим обуславливается фактическая ценность тех данных, которые потерпевший может сообщить на допросе. Во-вторых, потерпевший является заинтересованным участником уголовного судопроизводства, выступающим на стороне обвинения, что необходимо учитывать при оценке его показаний» [5, с. 78].

При анализе показаний потерпевшего в уголовном процессе необходимо учитывать комплекс субъективных факторов, способных оказывать существенное влияние на содержание и достоверность предоставляемых им сведений. В первую очередь следует принимать во внимание личную заинтересованность потерпевшего в исходе уголовного дела, которая может проявляться в различных формах - от естественного желания добиться справедливого наказания для виновного до стремления получить определенные материальные выгоды или компенсацию причиненного ущерба.

Особого внимания заслуживает психологический аспект, связанный с возможным наличием у потерпевшего устойчивых негативных эмоций по отношению к лицу, совершившему преступление. Чувство обиды, гнева или

желание мести могут неосознанно искажать восприятие событий и приводить к непреднамеренному искажению информации в показаниях. Более того, в случаях, когда между потерпевшим и обвиняемым существовали конфликтные отношения до совершения преступления, существует вероятность сознательного преувеличения или искажения фактов.

Существенное значение имеет и вопрос материальной компенсации, поскольку перспектива получения денежного возмещения или иных форм компенсации ущерба может выступать в качестве дополнительного мотивационного фактора, влияющего на содержание показаний. В этой связи особую важность приобретает тщательная проверка показаний потерпевшего на предмет их соответствия другим собранным по делу доказательствам, включая вещественные доказательства, заключения экспертов и показания свидетелей.

Кроме того, необходимо учитывать возможное внешнее воздействие на потерпевшего, которое может исходить как от заинтересованных лиц, так и от представителей правоохранительных органов. Подобное воздействие может выражаться в форме прямого давления или более мягких форм влияния, что также требует тщательного анализа при оценке достоверности показаний. Таким образом, комплексный учет всех указанных факторов является необходимым условием для объективной оценки показаний потерпевшего и принятия обоснованных процессуальных решений по уголовному делу.

И.Б. Кулиев справедливо замечает, что «проблемой данного вида показаний является то, что в момент сильного стресса потерпевший может преувеличить «масштаб» события, применять оценочное суждение, которое не может быть приобщено к делу, поскольку важны лишь фактические события» [18, с. 44].

В современной уголовно-процессуальной науке значительное внимание уделяется проблеме достоверности показаний потерпевших, что обусловлено спецификой их процессуального положения и психофизиологического состояния в момент восприятия противоправных действий. Как справедливо

указывает И.Б. Кулиев, «основной проблемой таких показаний является возможность искажения действительности потерпевшим в момент сильного стресса» [18, с. 46]. Данное утверждение имеет принципиальное значение для понимания природы свидетельских показаний лиц, подвергшихся преступному посягательству.

Физиологический и психологический стресс, испытываемый потерпевшим в момент совершения преступления, способен существенно влиять на когнитивные процессы восприятия, запоминания и последующего воспроизведения информации. В состоянии аффекта или сильного эмоционального возбуждения у потерпевшего может происходить искажение пространственно-временных характеристик события, ошибочная идентификация лиц, участвовавших в инциденте, а также гиперболизация отдельных аспектов происшествия.

С точки зрения теории доказательственного права, принципиальное значение имеет разграничение между фактическими данными, имеющими доказательственное значение, и субъективными оценками, эмоциональными реакциями и интерпретациями событий. В уголовном судопроизводстве доказательственную силу имеют исключительно фактические обстоятельства происшествия - время, место, последовательность действий, причинно-следственные связи и другие объективные параметры события. Как подчеркивается в цитируемом исследовании, «важным является только передача фактических событий, поскольку они имеют значение для установления правдивого образа произошедшего». Этот тезис отражает фундаментальный принцип уголовного процесса, согласно которому доказательствами признаются лишь сведения, имеющие отношение к делу и полученные в установленном законом порядке.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы процессуальной фиксации и последующей проверки показаний потерпевших. Следственная и судебная практика свидетельствует о необходимости применения специальных тактических приемов допроса, направленных на

минимизацию влияния стрессового фактора, а также использования комплексного подхода к оценке показаний, включающего их сопоставление с другими доказательствами по делу. Только такой системный подход позволяет обеспечить объективность и достоверность доказательственной информации, получаемой от потерпевших, что в конечном итоге способствует установлению истины по уголовному делу.

Также и И.Д. Мальцагов отмечает, что «особенность оценки показаний потерпевшего состоит в необходимости учета процесса совершения преступления и его психического состояния после совершенного преступления» [20, с. 139]. Исследователь резюмирует, что «показания потерпевшего в уголовном производстве во многих случаях имеют решающее значение для доказательства вины обвиняемого, отрицает причастность к инкриминируемому преступлению при отсутствии других свидетелей его совершения. При таких условиях против слова обвиняемого является слово потерпевшего. В таких производствах показания потерпевшего должны оцениваться с учетом других полученных в ходе предварительного расследования и исследованных в судебном заседании доказательств – заключения экспертиз, вещественных доказательств, документов. Если показания потерпевшего согласуются с другими доказательствами, то становятся прямым доказательством вины обвиняемого» [20, с. 140].

Рассмотрим показания свидетеля.

Часть 1 ст. 56 определяет, что «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи» [39].

В соответствии с ч. 4 ст. 56 при согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний [39].

Ф.Х. Байчорова, А.А. Хатков отмечают, что «показания свидетеля - доказательство, представляющее собой сообщение лица, в отношении которого по данному уголовному делу не осуществляется уголовное преследование, о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, воспринятых им лично или со слов других лиц, полученное на допросе или очной ставке, проведенных в установленном законом порядке» [2, с. 15].

И.Д. Мальцагов отмечает, что «оценка показаний свидетеля должна учитывать объективные и субъективные факторы их формирования. Свидетель должен указать на источник своей осведомленности. Без указания на такой источник показания свидетеля являются недопустимыми» [20, с. 137].

Также и И.Б. Кулиев, описывая показания свидетеля как доказательство, отмечает, что «такие сведения должны иметь доказательную базу, то есть источник предоставляемой информации должен быть обязательно озвучен следствию» [18, с. 44]. Исследователь отмечает, что «нередко проблемой свидетельских показаний является их искажение, под влиянием обсуждений, и обменом впечатлениями. Проблемной областью является использование показаний анонимных свидетелей, поскольку в этом случае ущемляются права обвиняемого, а сторона защиты не может в полной мере проанализировать данные и роль лица, их дающего, в данном деле. Эта же проблема касается и показаний сотрудников правоохранительных органов, которые могут использовать псевдонимы» [18, с. 44].

В системе уголовно-процессуального права проблема процессуального статуса и доказательственного значения показаний потерпевших и свидетелей занимает особое положение, что обусловлено их существенной ролью в формировании доказательственной базы по уголовному делу. Эти участники процесса, обладая информацией о существенных обстоятельствах совершенного преступления, зачастую выступают ключевыми источниками доказательственной информации, способствующей установлению объективной истины по делу. Однако процессуальный режим получения и

использования их показаний требует тщательного научного осмысления, поскольку связан с необходимостью обеспечения баланса между интересами правосудия и защитой фундаментальных прав личности.

При проведении допроса потерпевших и свидетелей существенное значение приобретает закрепленное в статье 51 Конституции Российской Федерации и конкретизированное в статье 42 (часть 3) и статье 56 (часть 4) Уголовно-процессуального кодекса РФ право указанных участников процесса отказаться от дачи показаний, которые могут причинить вред или оказаться обременительными для их близких родственников. Данное правомочие имеет глубокие историко-правовые корни, восходящие к римскому праву (принцип «*nemo tenetur prodere seipsum*»), и отражает сложившийся в демократических правовых системах баланс между публичным интересом в эффективном отправлении правосудия и защитой частных интересов, связанных с сохранением семейных ценностей и родственных связей.

Право потерпевшего и свидетеля на отказ от дачи показаний против своих близких родственников находится в системной взаимосвязи с фундаментальным свойством допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. В соответствии с требованиями статьи 75 УПК РФ, «доказательства, полученные с нарушением установленных законом прав участников процесса, признаются недопустимыми и не могут использоваться в качестве основания для принятия процессуальных решений» [39]. Это положение приобретает особую актуальность в контексте рассматриваемого права, поскольку его несоблюдение при проведении допроса неизбежно влечет за собой нарушение принципов добровольности дачи показаний и уважения частной жизни, что ставит под сомнение законность всей процедуры получения доказательств.

Современная уголовно-процессуальная доктрина исходит из того, что реализация данного права требует от следователя и суда соблюдения ряда процессуальных гарантий. В частности, перед началом допроса потерпевшему и свидетелю должно быть разъяснено их право не свидетельствовать против

себя и своих близких родственников, что подлежит обязательному отражению в протоколе следственного действия. Кроме того, важное значение имеет четкое законодательное определение круга лиц, которые относятся к категории близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки - статья 5 УПК РФ), поскольку именно в отношении этих лиц действует рассматриваемое правомочие.

Теоретический анализ данного института позволяет сделать вывод о его комплексной природе, сочетающей элементы как процессуального, так и материального права. С одной стороны, он направлен на защиту частных интересов конкретных лиц, с другой - служит важной гарантией соблюдения принципов справедливого судебного разбирательства, закрепленных в международных актах о правах человека и Конституции РФ. При этом важно отметить, что рассматриваемое право не является абсолютным - в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом (например, при расследовании особо тяжких преступлений против личности), возможны ограничения в его реализации, однако такие исключения должны быть соразмерны и соответствовать требованиям правового государства.

Свойство допустимости, будучи одним из ключевых критериев оценки доказательств, подчеркивает, что не все сведения, имеющие отношение к делу, могут быть положены в основу процессуальных решений. В рассматриваемом контексте, если свидетельские показания потенциально способны нанести ущерб интересам близких родственников допрашиваемого лица, суд вправе признать такие доказательства недопустимыми. Реализация этого правового института способствует соблюдению принципов справедливости и гуманизма в уголовном процессе, обеспечивая защиту личностных ценностей участников судопроизводства.

Особого внимания заслуживает проблема достоверности показаний потерпевшего, которые в силу специфики процессуального положения данного участника могут носить субъективный характер. В этой связи

недопустимо строить обвинительную конструкцию исключительно на свидетельских показаниях лица, пострадавшего от преступления. Современная доктрина уголовного процесса требует формирования максимально полной и всесторонней доказательственной базы, предполагающей тщательное сопоставление показаний потерпевшего с иными собранными по делу доказательствами. Следует учитывать, что показания потерпевшего, будучи первичным источником информации о событии преступления, нередко оказывают определяющее влияние на вектор расследования, что повышает ответственность правоохранительных органов за их критическую оценку.

Проблема ложных показаний потерпевшего представляет собой серьезную угрозу для объективности предварительного расследования и судебного разбирательства. Неверные или сознательно искаженные сведения способны не только затруднить процесс установления истины, но и направить расследование по ложному пути. Действующий уголовный закон предусматривает возможность привлечения к ответственности за заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ), однако правоприменительная практика демонстрирует крайне редкое использование данного инструмента. В научной среде высказываются обоснованные предложения об активизации применения норм об ответственности за лжесвидетельство, что могло бы способствовать повышению качества свидетельских показаний в уголовном процессе.

Показания подозреваемого и обвиняемого обладают двойственной природой: с одной стороны, они могут содержать информацию, имеющую существенное значение для дела, с другой - выступают важным средством реализации права на защиту. При этом принципиальное значение имеет обеспечение права указанных лиц на отказ от дачи показаний, что является гарантией соблюдения принципа презумпции невиновности.

Показания потерпевшего, несмотря на их первостепенную важность для реконструкции событий преступления, требуют критического анализа с учетом возможного влияния личной заинтересованности данного участника

процесса. Что касается свидетельских показаний, то их оценка должна осуществляться с обязательным учетом как объективных факторов (условия восприятия события, временной интервал и пр.), так и субъективных особенностей (психофизиологическое состояние, личные отношения с участниками процесса и др.).

Эффективная организация работы с доказательствами в уголовном процессе предполагает комплексный подход, включающий: скрупулезный анализ каждого доказательства; неукоснительное соблюдение процессуальных прав участников судопроизводства; оценку собранных доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности и, в конечном счете, достаточности для принятия обоснованного процессуального решения. Только такой системный подход позволяет обеспечить реализацию конституционных принципов справедливости и законности в уголовном судопроизводстве.

2.2 Заключение эксперта и специалиста

Рассмотрим в качестве доказательств заключения эксперта и специалиста.

В соответствии со ст. 57 УПК РФ «эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения» [39].

Согласно ст. 58 УПК РФ «специалист - лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» [39].

Ст. 80 УПК РФ регламентирует заключение и показания эксперта и специалиста. Так, в соответствии с данной статьёй:

- заключение эксперта - представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами;
- показания эксперта - сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ;
- заключение специалиста - представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами;
- показания специалиста - сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ.

Заключения и показания экспертов и специалистов занимают значимое место в системе уголовного судопроизводства, выполняя функцию источника доказательственной информации, необходимой для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Их роль обусловлена необходимостью привлечения специальных знаний в случаях, когда решение процессуальных вопросов требует компетенции, выходящей за пределы обыденного опыта участников процесса.

Актуальной проблемой является противоречие, возникающее между традиционным пониманием процессуального статуса специалиста и его новыми полномочиями, закрепленными в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. В частности, законодательные изменения привели к ситуации, при которой заключение специалиста приобретает доказательственную силу, сопоставимую с заключением эксперта, что вступает в конфликт с

существующими теоретическими подходами к разграничению их процессуальных функций. Это создает сложности в правоприменительной практике, поскольку судебные и следственные органы сталкиваются с необходимостью пересмотра устоявшихся критериев оценки доказательств.

В уголовном процессе для получения достоверных сведений используются различные методы познания, включая описание, сравнение, измерение, эксперимент и моделирование. Однако их применение требует соблюдения ряда условий, среди которых ключевыми являются проверяемость методик, а также надежность источников информации. Любые фактические данные, не прошедшие установленную законом процедуру собирания и закрепления доказательств, не могут быть признаны допустимыми, поскольку доказательства в уголовном судопроизводстве существуют исключительно в формах, предусмотренных УПК РФ.

Особую сложность в практике вызывает вопрос о допустимости заключения специалиста в качестве доказательства. Нередко суды отказывают в его приобщении к материалам дела, мотивируя это отсутствием предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ. Ярким примером служит позиция Первого кассационного суда общей юрисдикции, выраженная в «Определении СК по уголовным делам от 20 августа 2020 года (ч. 3 ст. 264 УК РФ)», где заключение специалиста было отклонено именно по указанному основанию [26]. Подобная практика свидетельствует о необходимости более четкого законодательного регулирования статуса специалиста и требований к оформлению его заключения, чтобы избежать противоречий в судебных решениях и обеспечить единообразие в применении норм права.

А.А. Орлов отмечает, что «наряду с познавательной стороной процесса доказывания особую важность приобретает и удостоверительная деятельность, которая связана с облечением сведений в процессуальную форму в установленном уголовно-процессуальном порядке. В результате эта информация приобретает характер доказательств» [27, с. 70].

Так, «основной целью уголовно-процессуальной деятельности и эксперта, и специалиста является применение имеющихся у них специальных знаний для содействия в выявлении, собирании, фиксации, проверке и исследовании доказательств, что в конечном итоге должно приводить к установлению фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела» [27, с. 70].

Судебные эксперты, осуществляя свою профессиональную деятельность в рамках уголовного процесса, обязаны оформлять свои выводы в виде письменного заключения, которое должно содержать не только окончательные умозаключения, но и подробное обоснование примененных методик, а также логическую аргументацию полученных результатов. Данный документ приобретает статус доказательства и может быть использован в ходе судебного разбирательства для установления существенных обстоятельств дела. В случае необходимости уточнения или разъяснения отдельных положений заключения, эксперт может быть подвергнут допросу, в ходе которого его показания будут направлены на детализацию и конкретизацию ранее изложенных выводов.

Что касается специалистов, то их письменные суждения, хотя и обладают определенной доказательственной ценностью, выполняют несколько иную функцию. В отличие от экспертов, специалисты в большей степени ориентированы на разъяснение вопросов, требующих специальных познаний, а также на предоставление консультативной помощи участникам процесса. Их показания на допросе носят характер пояснений, направленных на облегчение восприятия сложных технических, научных или профессиональных аспектов дела, не требуя при этом проведения полноценного исследования.

Качество судебной экспертизы находится в прямой зависимости от уровня профессиональной подготовки и квалификации эксперта. Недостаточная компетентность лица, осуществляющего экспертные исследования, может привести к получению недостоверных или

сомнительных результатов, что, в свою очередь, способно послужить основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы. В связи с этим особую значимость приобретает система регулярной аттестации экспертов, призванная обеспечивать соответствие их знаний и навыков современным научно-методическим стандартам.

Следует учитывать, что методы и средства экспертных исследований непрерывно развиваются, а нормативно-правовая база, регулирующая проведение экспертиз, подвергается периодическим изменениям. В этих условиях постоянное повышение квалификации экспертов становится неотъемлемым условием поддержания высокого уровня достоверности экспертных заключений. Только систематическое обновление профессиональных знаний и совершенствование практических навыков позволяют экспертам соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательственной базе в уголовном судопроизводстве.

Значительная трансформация правового регулирования статуса специалиста в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации была осуществлена в рамках масштабной реформы 2003 года, реализованной посредством принятия Федерального закона № 92-ФЗ. Данные законодательные изменения внесли принципиальные коррективы в сложившуюся систему доказательств, существенно расширив процессуальные возможности специалиста как самостоятельного участника уголовного процесса.

До указанной реформы специалист не обладал полномочиями по формулированию самостоятельных выводов, имеющих доказательственное значение. Заключения, обладающие доказательственной силой, могли даваться исключительно экспертами в рамках производства судебных экспертиз, что существенно ограничивало возможности использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве.

Реформа 2003 года кардинальным образом изменила данную правовую конструкцию, наделив специалиста правом давать заключения, которые с

этого момента стали признаваться в качестве самостоятельных доказательств по уголовному делу (статья 74 УПК РФ). Это законодательное нововведение позволило существенно расширить сферу применения специальных познаний в уголовном процессе, создав альтернативный экспертизе механизм привлечения специалистов для решения вопросов, не требующих проведения полномасштабного экспертного исследования.

Современная процессуальная модель участия специалиста в уголовном судопроизводстве характеризуется следующими ключевыми особенностями: во-первых, специалист вправе давать заключение как в письменной, так и в устной форме (статья 80 УПК РФ); во-вторых, его заключение может касаться вопросов, не требующих проведения полномасштабных исследований, но предполагающих применение специальных знаний; в-третьих, процессуальный статус специалиста сохраняет определенные отличия от статуса эксперта, что проявляется в отсутствии обязанности предупреждать специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Теоретический анализ данных изменений позволяет сделать вывод о том, что реформа 2003 года была направлена на достижение нескольких взаимосвязанных целей: оптимизацию процесса доказывания по уголовным делам, расширение возможностей использования специальных познаний и создание более гибкой системы доказательств. При этом важно отметить, что введение института заключения специалиста не отменило, а дополнило существующий механизм судебной экспертизы, создав многоуровневую систему использования специальных знаний в уголовном процессе.

Данное нововведение вызвало неоднозначную реакцию в научной среде. Ряд исследователей положительно оценили расширение доказательственных возможностей стороны обвинения, в то время как другие ученые выразили скептицизм относительно доказательственной ценности заключений специалистов, полагая, что их роль должна ограничиваться консультативной помощью участникам процесса [27, с. 70].

Несмотря на законодательное закрепление заключения специалиста в качестве доказательства, многие аспекты его процессуальной деятельности остаются недостаточно регламентированными. В частности, отсутствуют четкие критерии, определяющие порядок привлечения специалиста, требования к содержанию его заключения, а также механизмы, гарантирующие объективность и беспристрастность его выводов. Пробелы в правовом регулировании привели к тому, что на практике заключения специалистов зачастую игнорируются судами и следственными органами.

Тем не менее, активное использование специалистов защитой способно усилить состязательность уголовного процесса, обеспечивая более полное и всестороннее исследование доказательств.

2.3 Протоколы следственных и судебных действий

В соответствии со ст. 83 УПК РФ «протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ» [39].

К.В. Проваторова отмечает, что «в уголовном судопроизводстве протоколом выступает письменный процессуальный акт, наделенный статусом самостоятельного вида доказательств, в котором согласно строгому порядку, установленному уголовно-процессуальным законом, происходит фиксация сведений, подлежащих доказыванию при расследовании уголовного дела и рассмотрении его судом» [35, с. 126].

В соответствии со ст. 166 «протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись» [39].

Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле. В протоколе указываются: место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности.

В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии. В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств.

Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии, с учетом особенностей, предусмотренных статьей 189.1 УПК РФ. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц. Протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии, с учетом особенностей, предусмотренных статьей 189.1 УПК РФ.

К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители

информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия [39].

В системе уголовно-процессуального права протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний занимают особое положение среди средств доказывания, выступая в качестве самостоятельных видов доказательств. Их юридическая сила и допустимость в качестве доказательственной базы напрямую зависят от строгого соответствия требованиям, установленным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Протокол следственного действия представляет собой письменный документ, который должен содержать объективное и последовательное описание всего хода проводимого мероприятия, включая применяемые методы, полученные результаты и иные существенные обстоятельства. При этом законодатель предъявляет к его оформлению ряд обязательных условий: лаконичность и точность изложения, заверение подписями всех участников процессуального действия, а также возможность включения сведений ограниченного доступа в случаях, когда это необходимо для обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Протокол судебного заседания представляет собой «документ, обладающий существенной юридической значимостью, поскольку он выполняет функцию официального фиксатора всех процессуальных действий, осуществляемых в рамках судебного разбирательства. Его содержание должно отражать не только устные показания участников процесса, но и всю совокупность вопросов, задаваемых сторонами, результаты непосредственного осмотра вещественных доказательств, проводимого в зале суда, а также аргументированные позиции сторон и иную информацию, имеющую непосредственное отношение к рассматриваемому делу» [9, с. 21-22]. Таким образом, протокол служит не только средством документирования, но и гарантией объективности и полноты отражения хода судебного заседания.

Особую роль в обеспечении процессуальных гарантий играет право участников судопроизводства на ознакомление с протоколом судебного заседания. Данное право позволяет сторонам удостовериться в точности зафиксированных сведений и, при необходимости, заявить свои замечания, что способствует соблюдению принципов состязательности и равноправия сторон. Важным шагом в совершенствовании данной процедуры стало уточнение законодателем сроков ознакомления с протоколом, осуществленное в 2019 году. Эти изменения позволили упорядочить процессуальные сроки и минимизировать возможные злоупотребления, что, в свою очередь, повысило уровень процессуальной дисциплины [9, с. 21-22].

Таким образом, протокол судебного заседания является неотъемлемым элементом судебной процедуры, обеспечивающим прозрачность и достоверность фиксации процессуальных действий. Его ведение и последующее ознакомление с ним участников процесса подчеркивают значение документальной основы судопроизводства, что соответствует современным требованиям к открытости и справедливости правосудия.

Таким образом, протокол в контексте уголовного судопроизводства представляет собой письменно оформленный акт, который в силу прямого указания закона обладает свойствами самостоятельного доказательства. Его основное назначение заключается в закреплении и сохранении информации, имеющей существенное значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. При этом процессуальная форма протокола обеспечивает легитимность содержащихся в нем сведений, придавая им необходимую доказательственную силу при условии соблюдения всех требований к его составлению.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет выявить определенные пробелы в регулировании вопросов, связанных с использованием протоколов в качестве доказательств. В частности, «статья 83 УПК РФ, несмотря на закрепление протоколов следственных и судебных действий в системе доказательств, не содержит

исчерпывающего перечня конкретных видов протоколов, которые могут быть приобщены к материалам уголовного дела. В то же время часть 2 статьи 74 УПК РФ в качестве доказательств называет как показания участников процесса, так и протоколы, не конкретизируя при этом их видовую принадлежность» [9, с. 21-22].

Подобная законодательная неопределенность создает определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку отсутствие четких критериев отнесения тех или иных протоколов к числу допустимых доказательств может приводить к неоднозначному толкованию соответствующих норм права. В этой связи представляется необходимым дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части более детальной регламентации процессуального статуса различных видов протоколов и условий их использования в доказывании по уголовным делам.

А.Т. Валеев и А.М. Лютынский отмечают, что «самостоятельное доказательственное значение имеют протоколы осмотра (в том числе осмотра трупа и эксгумации), освидетельствования, выемки, обыска, предъявления для опознания, следственного эксперимента и проверки показаний на месте, осмотра и изъятия почтово-телеграфных отправок в учреждениях связи, а также протоколы, которые составляются по результатам следственных действий, предусмотренных статьями 186 и 186.1 УПК» [9, с. 134].

Протокол допроса и очной ставки не указывается правоведом в данном перечне, поскольку данный протокол «выступает лишь техническим средством фиксации показаний и самостоятельного значения источника доказательств не имеет» [9, с. 135].

Также Б.Т. Безлепкин подчёркивает, что «не могут быть доказательствами по уголовному делу те протоколы, которые не содержат фактических сведений, но отражают лишь выполнение следователем определённых требований закона (например, протокол ознакомления с делом)» [5, с. 29].

Когда допрос осуществляется судом непосредственно в ходе судебного заседания, полученная информация приобретает статус показаний, поскольку соблюдается принцип непосредственности восприятия доказательств судом. В этом случае судьи и участники процесса имеют возможность лично наблюдать поведение допрашиваемого, оценивать его эмоциональное состояние и достоверность сообщаемых сведений, что соответствует требованиям состязательного процесса. Напротив, когда стороны процесса знакомятся с содержанием протокола допроса, составленного на досудебной стадии производства по делу, именно сам протокол как материальный носитель информации приобретает доказательственное значение.

Такой дифференцированный подход к определению процессуальной природы доказательств позволяет, по мнению его сторонников, более точно отражать принципы уголовного судопроизводства, в частности принципы непосредственности и устности. Однако следует отметить, что данная концепция пока не нашла однозначного отражения в действующем законодательстве и продолжает оставаться предметом научных дискуссий среди специалистов в области уголовного процесса.

Эта позиция находит подтверждение в судебной практике.

В качестве показательного примера можно рассмотреть правовую позицию, изложенную в Кассационном определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам № 8-О11-7 от 26 мая 2011 года, где рассматривалось уголовное дело, связанное с обвинением в фальсификации доказательств по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. В рамках данного судебного разбирательства было установлено, что имела место подделка процессуальных документов, а именно протоколов следственных действий и очной ставки, в которых содержались заведомо ложные сведения как о фактическом проведении соответствующих следственных мероприятий, так и о процессуальном статусе должностных лиц, осуществлявших допросы.

Представитель защиты выдвигал тезис об отсутствии состава преступления, аргументируя свою позицию тем, что содержательная часть показаний допрашиваемых лиц не подвергалась изменениям со стороны следователя. Однако судебная коллегия, основываясь на системном толковании положений уголовно-процессуального законодательства, не приняла данный довод, указав на ошибочность подобного понимания природы доказательств. В своем решении суд подчеркнул, что в соответствии с действующей правовой доктриной доказательственное значение имеют не сами по себе протоколы допросов как материальные носители информации, а именно показания допрошенных лиц, зафиксированные в установленном процессуальном порядке [15]. Данная правовая позиция подтверждает принципиальное значение различия между формой и содержанием доказательств в уголовном судопроизводстве.

В современной уголовно-процессуальной доктрине наблюдается значительный плюрализм научных подходов к определению процессуального статуса протоколов следственных действий и их доказательственного значения в системе уголовного судопроизводства. Следует отметить, что дискуссионный характер данной проблематики обусловлен двойственной природой указанных процессуальных документов, которые, с одной стороны, выполняют функцию подтверждения соблюдения установленной процедуры проведения следственных действий, а с другой - могут содержать информацию, имеющую существенное значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Исторически в отечественной процессуальной науке преобладала концепция, согласно которой протоколы допросов и очных ставок рассматривались исключительно как средства фиксации показаний участников процесса, не обладающие самостоятельной доказательственной ценностью. Однако современное развитие уголовно-процессуальной теории демонстрирует тенденцию к переосмыслению данной позиции. Примечательно, что действующее законодательство Российской Федерации не

содержит четкого нормативного регулирования данного вопроса, что создает почву для научных дискуссий и различных толкований.

В этой связи ряд ученых-процессуалистов выдвигает предложение о внедрении в российское уголовное судопроизводство принципа непосредственности, который предполагает дифференциацию между устными показаниями и их протокольной фиксацией как самостоятельными видами доказательств. Согласно данной концепции, протокол допроса или очной ставки должен признаваться отдельным доказательством, обладающим собственной доказательственной природой, отличной от устных показаний, полученных в ходе судебного заседания.

Таким образом, протоколы следственных и судебных действий занимают значимое место в системе доказательств современного уголовного процесса, выполняя двоякую функцию: во-первых, они документируют процессуальную деятельность органов предварительного расследования и суда, а во-вторых, содержат информацию, имеющую значение для правильного разрешения уголовного дела.

При этом их доказательственная сила сохраняется только при условии неукоснительного соблюдения всех требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом к порядку составления и оформления.

Однако следует констатировать, что вопросы, связанные с определением процессуального статуса протоколов допросов и очных ставок, продолжают вызывать серьезные разногласия как в научной среде, так и среди практикующих юристов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления данной проблемы и последующего совершенствования законодательной базы.

2.4 Вещественные доказательства

В соответствии со ст. 81 УПК РФ, вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- на которые были направлены преступные действия;
- деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Анализ положений статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет констатировать, что содержащийся в ней перечень объектов, которые могут приобретать статус вещественных доказательств, не носит исчерпывающего характера и не охватывает всего многообразия материальных носителей информации, имеющих значение для уголовного дела. В частности, вызывает научно-практический интерес вопрос о процессуальном статусе таких специфических категорий объектов, как различные вещества (наркотические средства, яды, химические соединения), микроследы (волокна ткани, частицы лакокрасочного покрытия, микрочастицы металлов), а также иные микрообъекты, которые, несмотря на их очевидную доказательственную ценность в раскрытии и расследовании преступлений, не нашли прямого упоминания в тексте указанной нормы.

Данное законодательное упущение создает определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку отсутствие четкой нормативной регламентации статуса микрообъектов порождает дискуссии относительно их процессуальной природы и условий приобщения к материалам уголовного дела. В этой связи представляется необходимым подчеркнуть, что

ограничительное толкование положений статьи 81 УПК РФ не соответствует современным потребностям следственной и судебной практики, которая все чаще сталкивается с необходимостью исследования микрочастиц и следовых количеств веществ при расследовании преступлений различной категории. Более того, развитие криминалистической техники и внедрение новых методов исследования материальных следов преступления объективно требуют расширительного понимания категории вещественных доказательств, выходящего за рамки буквального толкования приведенного в законе перечня.

При этом, как утверждает, например, Б.Т. Безлепкин, «вещественными доказательствами не могут признаваться те объекты материального мира, сущность которых недоступна для восприятия обычными органами чувств человека и обыденным сознанием участников процесса» [6, с. 133-134].

В современной уголовно-процессуальной науке остается дискуссионным вопрос о процессуальной природе электронной компьютерной информации и ее отнесении к категории вещественных доказательств. Как отмечает Н.А. Зигура, учитывая специфические характеристики цифровых данных, их следует рассматривать в качестве самостоятельного вида доказательств, обладающего особым правовым режимом [14, с. 8]. Данная позиция аргументируется тем, что электронная информация, в отличие от традиционных вещественных доказательств, не имеет материального носителя в классическом понимании, обладает свойствами копируемости и трансформируемости, что требует разработки специальных правил ее собирания, исследования и оценки.

Вместе с тем, представляется обоснованной и альтернативная точка зрения, согласно которой электронные данные могут быть отнесены к вещественным доказательствам на основании системного толкования положений статьи 81 УПК РФ. Ключевым аргументом в пользу данной позиции служит открытый характер перечня вещественных доказательств, установленный законодателем в заключительном пункте указанной статьи. Такой подход позволяет включать в категорию вещественных доказательств

любые материальные объекты, в том числе и электронные носители информации, если они содержат значимые для уголовного дела сведения. При этом важно учитывать, что материальная природа электронных данных проявляется в их связи с конкретными физическими носителями (жесткими дисками, флеш-накопителями, серверами и т.д.), что соответствует традиционному пониманию вещественного доказательства как предмета материального мира.

Предлагаемая концепция не отрицает необходимости специального регулирования порядка работы с электронными доказательствами, но рассматривает его в рамках существующей системы доказательств, что способствует сохранению целостности уголовно-процессуального регулирования. Такой подход представляется наиболее соответствующим потребностям современной следственной и судебной практики, сталкивающейся с необходимостью исследования цифровых следов при расследовании преступлений.

Это подтверждает и судебная практика. Такой пример приводит В.В. Бибилов, отмечая, что «в ходе осуществления предварительного следствия у С. в процессе получения образцов для сравнительного исследования были изъяты микрочастицы из карманов верхней одежды. Изъятые микрообъекты осмотрены и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств» [7, с. 10].

Н.А. Моругина, Е.И. Сидорова также отмечают, что «мнения ученых, оспаривающих возможность признания рассмотренных выше объектов вещественными доказательствами, возникают из-за неоднозначности толкования дефиниции «предмет», используемой в статье 81 УПК РФ, так как на практике не только предметы, но и состояния объектов материального мира могут сохранять на себе сведения, имеющие значение для уголовного дела и совпадающие с признаками вещественных доказательств. Сам по себе предмет или документ как таковой не является вещественным доказательством. Вещественным доказательством может являться только материальный объект

с его конкретными качествами, способными установить связь с необходимыми доказательственными фактами. Поэтому главным характерным признаком вещественного доказательства является его причинная связь с устанавливаемым событием. Без восприятия этого признака лицом, осуществляющим доказывание по уголовным делам, сам по себе материальный объект не несет значимой информации для уголовного судопроизводства» [21, с. 210].

Указанные исследователи выдвигают принципиально важный тезис о том, что сам по себе физический предмет или документ, вне связи с обстоятельствами конкретного уголовного дела, не может автоматически приобретать статус вещественного доказательства. Согласно их концепции, доказательственное значение приобретает не абстрактный материальный объект, а конкретный предмет, обладающий совокупностью индивидуальных характеристик и свойств, позволяющих установить его фактическую связь с расследуемым событием.

Данная научная позиция представляет существенный интерес для теории доказательственного права, поскольку предлагает дифференцированный подход к пониманию природы вещественных доказательств. Авторы подчеркивают необходимость наличия у материального объекта специфических признаков, которые делают возможным его использование для установления значимых для дела обстоятельств. Такой подход позволяет отграничить вещественные доказательства от иных материальных объектов, фигурирующих в уголовном процессе, но не обладающих доказательственным значением.

Представляется, что предложенная Н.А. Моругиной и Е.И. Сидоровой концепция имеет важное методологическое значение для совершенствования теории доказательств, так как способствует повышению качества доказывания по уголовным делам. Развитие этой научной идеи может послужить основой для дальнейшего совершенствования законодательного регулирования

порядка собирания, исследования и оценки вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Исследователи резюмирует, что «вещественное доказательство - это не просто предмет или документ, это целая система, которая, как следствие, требует строгого соблюдения определенной процессуальной формы» [21, с. 210].

В современной доктрине уголовного процесса значительное внимание исследователей уделяется вопросу доказательственной силы вещественных доказательств и их преимущественному положению в системе средств доказывания. Данный приоритет обусловлен их объективной природой, поскольку вещественные доказательства, будучи материальными следами преступления, обладают устойчивыми характеристиками, которые менее подвержены субъективным искажениям и сознательным манипуляциям по сравнению, например, с показаниями свидетелей или заключениями экспертов. Их исходный характер, связанный с непосредственной связью с событием преступления, обеспечивает высокую степень достоверности при установлении обстоятельств уголовно наказуемого деяния. Это делает вещественные доказательства ключевым элементом в процессе доказывания, способным существенно влиять на формирование внутреннего убеждения суда.

Эмпирические исследования подтверждают исключительную значимость вещественных доказательств в современной следственной практике. В частности, как отмечают Н.А. Моругина и Е.И. Сидорова, в ходе проведенного ими анализа не было выявлено ни одного уголовного дела, в расследовании которого следователи и дознаватели обходились без использования вещественных доказательств [21, с. 209].

В научной литературе отсутствует единое понимание сущности вещественных доказательств, что отражает сложность и многогранность данного правового феномена. Так, А.В. Кудрявцева и Ю.В. Худяков рассматривают их в контексте криминалистической теории следов, определяя

вещественные доказательства как «предметы и материальные следы преступления, полученные, зафиксированные и признанные таковыми в установленном УПК РФ порядке» [17, с. 35-36]. Подобная трактовка акцентирует их связь с событием преступления и подчеркивает необходимость соблюдения процессуальной формы при их включении в материалы уголовного дела.

В то же время Е.В. Брянская предлагает иную интерпретацию, фокусируясь на информационной составляющей, и определяет вещественные доказательства как «материальные носители доказательственной информации» [8, с. 87]. Однако такой подход не в полной мере учитывает процессуальные требования, предъявляемые к их собиранию и исследованию.

Более сбалансированную позицию занимают исследователи, которые рассматривают вещественные доказательства в единстве их материальной основы, информационного содержания и процессуальной формы. Например, Н.Н. Егоров указывает на дуалистическую природу доказательств, включающую как содержание (информацию о событии преступления), так и форму (процессуальный порядок их закрепления) [11, с. 92]. Такой подход получил широкое признание в научной среде, поскольку позволяет комплексно анализировать вещественные доказательства не только как физические объекты, но и как элементы системы доказывания, подчиненные строгим процессуальным правилам.

Таким образом, существующее многообразие теоретических подходов к определению вещественных доказательств предоставляет возможность исследовать их в различных аспектах: как материальные объекты, обладающие криминалистически значимыми свойствами, как источники доказательственной информации и как процессуально оформленные элементы уголовного дела. Такая многоплановость подчеркивает их уникальную роль в механизме установления истины по уголовному делу.

Н.А. Моругина, Е.И. Сидорова выделяют «ряд специфических признаков, присущих вещественным доказательствам по уголовным делам:

- наличие материальной формы объекта, иными словами, вещественное доказательство по уголовному делу всегда имеет вещественный характер;
- уникальность вещественного доказательства, то есть его незаменимость другими доказательствами по уголовному делу;
- исходный характер вещественного доказательства, то есть его способность передавать информацию без искажений и субъективного восприятия обстановки;
- наличие связи с событием преступления - с помощью вещественного доказательства лица, осуществляющие предварительное расследование, устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- возможность с помощью вещественного доказательства устанавливать истину по уголовному делу;
- невозобновляемость вещественного доказательства - в случае утраты либо повреждения вещественное доказательство не может быть получено заново;
- наличие процессуального документа, содержащего данные о способе обнаружения вещественного доказательства, таким документом может быть протокол осмотра места происшествия, протокол обыска/выемки и т.д.;
- наличие протокола осмотра предметов (документов), где подробно описаны основные признаки объекта осмотра;
- наличие постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств, в котором должна быть определена дальнейшая судьба вещественного доказательства - место его хранения» [21, с. 211].

В рамках данного исследования мы солидаризируемся с позицией ученых, занимающихся проблематикой вещественных доказательств в уголовном процессе, и полагаем, что ими были выделены ключевые признаки,

имеющие принципиальное значение для характеристики данного вида доказательств. К числу таких существенных признаков относятся, прежде всего, материальная форма существования вещественных доказательств, их уникальность и индивидуальность, исходный характер, исключающий возможность произвольного воспроизведения, а также непосредственная связь с событием преступления.

2.5 Иные документы как вид доказательств

Иные документы – последний вид доказательства, предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В соответствии со ст. 84 УПК РФ «иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ» [39].

Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 УПК РФ. Документы приобщаются к материалам уголовного дела и хранятся в течение всего срока его хранения. По ходатайству законного владельца изъятые и приобщенные к уголовному делу документы или их копии могут быть переданы ему.

Документы, обладающие признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

Как отмечают А.Т. Валеев и А.М. Лютынский, «весьма широкое понятие, которое охватывает самые разнообразные варианты процессуальных документов. Если попробовать обобщить нормы УПК РФ и судебно-следственную практику, можно выделить следующие признаки иного документа:

- как правило, это письменный документ, хотя ч. 2 ст. 84 УПК РФ предусматривает и иные формы документа (фотосъемка, аудио- и видеозаписи и др.);
- содержание иного документа должно обладать свойством относимости и содержать данные, имеющие отношение к предмету доказывания;
- иной документ не содержит признаков вещественного доказательства, указанных в ст. 81 УПК РФ;
- в уголовном деле есть сведения о том, каким образом иной документ появился в уголовном деле» [9, с. 23].

«Как правило, в качестве иных документов в материалах дела находятся:

- некоторые материалы, отражающие результаты проверки информации о преступлении на стадии возбуждении уголовного дела – заявления, явки с повинной, объяснения, справки, акты ревизий и т.п.;
- документы, содержащие данные о личности обвиняемого – характеристики, справки о составе семьи, доходах, судимости, копии приговоров и т.п.;
- результаты оперативно-розыскной деятельности, переданные органом дознания, оформленные в соответствии с отраслевым законодательством;
- документы, представленные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями (ч. 2 ст. 86 УПК РФ);
- результаты реализации защитником его полномочий на стадии предварительного расследования – полученные после истребования справки, характеристики, акты опроса лиц с их согласия и др. (ч. 3 ст. 86 УПК РФ)» [9, с. 23-24].

Категория «иные доказательства» в системе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации представляет собой важный объект

научного исследования и практического применения, что обусловлено ее сложной правовой природой и функциональной значимостью в процессе доказывания. Указанная категория охватывает обширный массив процессуальных документов, которые, не обладая статусом вещественных доказательств в соответствии с положениями статьи 81 УПК РФ, тем не менее содержат информацию, имеющую существенное значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

С формально-юридической точки зрения, данные доказательства преимущественно существуют в письменной форме, однако развитие современных информационных технологий существенно расширило способы их фиксации, включив в этот перечень цифровые фотоизображения, аудиозаписи, видеоматериалы и иные электронные носители информации. В отличие от вещественных доказательств, которые характеризуются наличием материального субстрата и индивидуальными признаками, позволяющими установить их связь с событием преступления, рассматриваемая группа доказательств отличается отсутствием единого материального носителя в традиционном понимании и включает в себя гетерогенные элементы, объединенные лишь своей процессуальной функцией.

Круг документов, относимых к «иным доказательствам», отличается значительным разнообразием и включает несколько ключевых групп. Во-первых, это документы, исходящие от участников процесса, такие как официальные заявления граждан, явки с повинной, ходатайства и жалобы. Во-вторых, это характеризующие материалы, включающие справки о личности обвиняемого, характеристики с места работы или учебы, заключения специалистов. Особую группу составляют результаты оперативно-розыскной деятельности, которые после соответствующего процессуального оформления приобретают статус доказательств. Наконец, к этой категории относится различная документация, представляемая сторонами в ходе судебного разбирательства, включая материалы, подготовленные защитником на стадии предварительного расследования.

Примечательно, что материалы, формируемые защитником в ходе досудебного производства, несмотря на их бесспорную доказательственную ценность, не могут быть отнесены к вещественным доказательствам в строгом процессуальном смысле, что подчеркивает необходимость их рассмотрения именно в рамках категории «иные доказательства». Данное обстоятельство свидетельствует о сложной системной взаимосвязи различных видов доказательств и требует тщательного методологического осмысления их места в системе уголовно-процессуального доказывания.

Таким образом, анализ правовой природы «иных доказательств» позволяет сделать вывод об их особом процессуальном статусе, который, с одной стороны, отличается от классических вещественных доказательств, а с другой - играет не менее важную роль в обеспечении всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Многогранность данной категории свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической разработки критериев их классификации и правил оценки в контексте современных вызовов уголовного судопроизводства.

Анализ законодательной регламентации статуса иных документов в уголовном процессе Российской Федерации позволяет выявить существенную особенность юридической техники, использованной законодателем при формулировании положений статьи 84 УПК РФ. Установленный в данной норме подход к определению иных документов предполагает их четкое разграничение с вещественными доказательствами посредством введения специального критерия: если конкретный документ обладает признаками, предусмотренными для вещественных доказательств в статье 81 УПК РФ, он подлежит квалификации именно в этом качестве.

Указанная проблематика усугубляется тем обстоятельством, что перечень вещественных доказательств, содержащийся в статье 81 УПК РФ, имеет открытый характер формулировок, что в доктрине уголовного процесса традиционно рассматривается как проявление диспозитивности в регулировании доказательственной деятельности. Однако такая открытость

перечня создает потенциальную возможность для расширительного толкования понятия вещественных доказательств, теоретически позволяя включать в эту категорию практически любые материальные носители информации, в том числе и те, которые специально упомянуты законодателем в статье 84 УПК РФ в качестве иных документов.

Данная законодательная коллизия порождает серьезные трудности в правоприменительной практике, поскольку отсутствие четких критериев разграничения между вещественными доказательствами и иными документами может привести к произвольному определению их процессуального статуса участниками уголовного судопроизводства. Особую сложность представляет квалификация современных цифровых носителей информации, которые, с одной стороны, обладают всеми признаками документов, а с другой - могут рассматриваться как материальные объекты, несущие следы преступной деятельности. Эта правовая неопределенность требует глубокого теоретического осмысления и возможного последующего законодательного уточнения для обеспечения единообразия судебной и следственной практики.

Таким образом, позиция законодателя в данном вопросе представляется неоднозначной и порождает дискуссии в научной среде. С одной стороны, формальное разделение доказательств на вещественные и иные документы имеет четкие критерии, закрепленные в УПК РФ. С другой стороны, открытый характер перечня вещественных доказательств создает возможность для расширительного толкования их понятия, что может привести к смешению этих двух категорий в правоприменительной практике. Данная коллизия требует дальнейшего научного осмысления и возможного уточнения в нормативных актах для обеспечения единообразия судебной и следственной практики.

Заключительные выводы по второй главе выпускной квалификационной работы.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что доказательства, исходящие от подозреваемого и обвиняемого, занимают особое положение в системе уголовно-процессуального доказывания, выполняя при этом сложную дуалистическую функцию. С одной стороны, они могут выступать в качестве важнейших элементов в процессе установления фактических обстоятельств уголовного дела, а с другой - служить эффективным инструментом реализации права на защиту. Показания указанных участников процесса обладают уникальным доказательственным потенциалом, поскольку могут содержать как информацию, опровергающую предъявленные обвинения, так и добровольное признание вины, что обуславливает необходимость особого внимания к обеспечению их процессуальных гарантий. При этом принципиальное значение имеет неукоснительное соблюдение их абсолютного права на отказ от дачи показаний, закрепленного в статье 51 Конституции РФ, а также строгое следование принципам состязательности и справедливости при оценке достоверности таких доказательств, что является необходимым условием реализации концепции справедливого судебного разбирательства.

Не менее значимую роль в механизме уголовно-процессуального доказывания играют показания потерпевшего, которые зачастую содержат непосредственные сведения о событии преступления, полученные из первоисточника. Однако при оценке этих показаний необходимо учитывать целый комплекс факторов, включая психоэмоциональное состояние потерпевшего в момент восприятия события преступления и при даче показаний, а также его личную заинтересованность в исходе дела, которые могут оказывать существенное влияние на объективность восприятия и последующего изложения обстоятельств произошедшего. Что касается свидетельских показаний, то их анализ требует применения комплексного подхода, учитывающего как объективные факторы (условия восприятия события, временной промежуток между событием и дачей показаний, наличие или отсутствие факторов, искажающих восприятие), так и субъективные

особенности (индивидуальные характеристики памяти, способность к адекватному воспроизведению информации, личностные установки), а также источник осведомленности свидетеля, что в совокупности позволяет сформировать обоснованное представление о достоверности полученных сведений.

Эффективное использование доказательств, полученных от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, составляет методологическую основу обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства. Особое значение в данном контексте приобретает соблюдение баланса между интересами стороны обвинения и защиты, что является необходимым условием реализации фундаментальных принципов равноправия сторон и состязательности в уголовном процессе, заложенных в основу современной модели уголовного судопроизводства.

Отдельного научного осмысления требует роль специальных познаний в системе уголовного судопроизводства. Заключение судебных экспертов, оформленные в письменной форме в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и содержащие научно обоснованные выводы, представляют собой важнейший источник доказательственной информации, обладающий высокой степенью достоверности.

Протоколы следственных и судебных действий занимают особое место в системе доказательств, поскольку представляют собой официальные процессуальные документы, фиксирующие ход и результаты процессуальной деятельности. Будучи надлежащим образом оформленными в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, они приобретают самостоятельное доказательственное значение.

На основании проведенного комплексного исследования предлагается следующее научно обоснованное определение вещественных доказательств - это материальные объекты, следы преступной деятельности или их состояния, которые надлежащим образом зафиксированы, процессуально оформлены и признаны в установленном порядке, способные передавать информацию о

совершенном преступлении, имеющую существенное значение для уголовного дела. Данное определение отражает как материальную природу вещественных доказательств, так и их процессуальную форму, а также информационную составляющую, что соответствует современным научным представлениям о системе доказательств в уголовном процессе.

Параллельно с вещественными доказательствами в уголовном процессе значительную роль играют иные документы, которые, не обладая признаками вещественных доказательств в смысле статьи 81 УПК РФ, тем не менее содержат информацию, относящуюся к предмету доказывания. К ним относятся различные процессуальные документы, представленные как в традиционной письменной форме, так и в виде современных носителей информации, включая фото-, аудио- и видеоматериалы. В эту категорию входят заявления граждан, явки с повинной, характеризующие материалы, справки о личности обвиняемого, результаты оперативно-розыскной деятельности, а также документы, представленные сторонами в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, что свидетельствует о широком спектре их видов и значительном доказательственном потенциале в уголовном судопроизводстве.

Глава 3 Проблемные вопросы института доказательств в уголовном процессе

3.1 Проблемные аспекты собирания и проверки доказательств в уголовном процессе

Прежде чем перейти к детализированному анализу указанных проблемных аспектов, представляется методологически необходимым рассмотреть базовые принципы, составляющие теоретико-правовой фундамент процесса доказывания в современном российском уголовном судопроизводстве.

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве представляет собой сложную, многоуровневую систему познавательной деятельности, включающую не только собирание, но и проверку, оценку доказательств, осуществляемые в строгом соответствии с принципами непосредственности, состязательности и свободы оценки доказательств.

Не менее важными являются принципы достоверности и объективности доказательств, предполагающие, что полученные сведения должны отражать действительные обстоятельства дела без искажений и предвзятости. Кроме того, принцип полноты и всесторонности исследования доказательств требует выявления и анализа всей совокупности сведений, имеющих значение для дела, включая как прямые, так и косвенные доказательства, а также информацию, полученную от участников процесса и специалистов.

Систематизация проблем, связанных с собиранием и проверкой доказательств, позволяет выделить несколько ключевых аспектов, требующих особого внимания. Первая группа проблем обусловлена сложностями, возникающими на начальном этапе расследования, когда информация о преступлении еще не систематизирована, а доказательственная база находится в стадии формирования. В этот период особенно остро проявляется проблема неустойчивости свидетельских показаний, которые могут изменяться под

воздействием внешних факторов, включая психологическое давление или недостаточную осведомленность свидетелей. Данная ситуация усугубляется тенденцией некоторых судов отдавать предпочтение показаниям, полученным на стадии предварительного расследования, что создает риск принятия решений на основе недостоверных или непроверенных сведений.

Особую сложность представляет использование показаний анонимных свидетелей или сотрудников правоохранительных органов, выступающих под псевдонимами. Подобная практика, с одной стороны, направлена на обеспечение безопасности участников процесса, но с другой – существенно ограничивает возможности защиты по проверке достоверности таких показаний, что может привести к нарушению принципа состязательности сторон и права обвиняемого на защиту [24, с. 408].

Серьезной проблемой остается недостоверность доказательств, обусловленная как умышленными действиями участников процесса (фальсификация документов, дача заведомо ложных показаний), так и объективными факторами, такими как стрессовое состояние потерпевших и свидетелей. В условиях эмоционального напряжения лица нередко склонны к преувеличению или искажению воспринятых событий, что существенно осложняет процесс установления объективной истины по делу.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в качестве доказательств. Несмотря на их значимость для раскрытия преступлений, отсутствие четкого законодательного регулирования порядка их применения создает предпосылки для произвольного толкования норм и нарушения прав обвиняемых. В этой связи особую актуальность приобретает необходимость законодательного закрепления критериев допустимости результатов ОРД, включая требования к их сбору, фиксации и представлению в суде.

Дискуссионным остается вопрос о возможности использования нетрадиционных методов доказывания, таких как полиграф или гипнотическое воздействие при допросе. Хотя в российской практике эти

методы не применяются, их потенциальное использование требует тщательного научного анализа, направленного на оценку достоверности получаемых сведений и их соответствия принципам справедливого судебного разбирательства.

В современной системе уголовного судопроизводства Российской Федерации особую научную и практическую проблему представляет вопрос процессуального оформления результатов опросов, осуществляемых следователями и адвокатами в рамках реализации положений пункта 2 части 3 статьи 86 УПК РФ. Отсутствие законодательно установленной унифицированной формы фиксации результатов подобных опросов создает значительные сложности в правоприменительной практике, что нередко приводит к их некорректному процессуальному оформлению в виде протоколов допроса, несмотря на принципиальные различия в правовой природе и процедуре проведения этих процессуальных действий.

Данная правовая коллизия порождает серьезные последствия для системы доказывания, поскольку создает предпосылки для придания судебной защите статуса допустимых доказательств сведений, которые не были надлежащим образом проверены на предмет достоверности и полноты. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте реализации принципа состязательности сторон, когда результаты опросов, проведенных защитником без соблюдения предусмотренных для допроса процессуальных гарантий, могут быть необоснованно приравнены к показаниям, полученным в ходе официального следственного действия.

Сложившаяся практика свидетельствует о необходимости законодательного урегулирования данного вопроса, включая установление четких требований к форме и содержанию документов, фиксирующих результаты опросов, а также определение их места в системе доказательств с учетом баланса между интересами стороны защиты и требованиями достоверности доказательственной информации. Особого внимания заслуживает вопрос разграничения процессуального статуса опросов,

проводимых адвокатом, и допросов, осуществляемых следователем, поскольку их смешение в правоприменительной практике может привести к нарушению фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, включая принципы законности и объективной истины.

Таким образом, анализ проблем собирания и проверки доказательств свидетельствует о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства с целью обеспечения баланса между эффективностью расследования и защитой прав участников процесса. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и повышение профессиональной культуры правоприменителей.

3.2 Направления совершенствования процессуальной регламентации собирания и проверки доказательств в уголовном процессе

Современная уголовно-процессуальная практика сталкивается с рядом системных проблем, связанных с собиранием, фиксацией и оценкой доказательств. Их разрешение требует комплексного подхода, основанного на принципах законности, объективности и научной обоснованности. В рамках настоящего исследования предлагается детализированный анализ ключевых направлений совершенствования доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Одной из наиболее актуальных проблем является недостаточная эффективность работы правоохранительных органов на стадии первоначального этапа расследования, что зачастую приводит к утрате или фальсификации доказательств. Для минимизации данных рисков предлагаются следующие меры:

- Разработка специализированных обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов, направленных на

углубленное изучение норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок собирания и фиксации доказательств. Подобные программы должны включать в себя не только теоретические аспекты, но и практические тренинги, основанные на реальных кейсах.

- Стандартизация процедур осмотра места происшествия, включая применение унифицированных методик фиксации вещественных доказательств, использования современных технических средств (например, 3D-сканирования, цифровой фото- и видеосъемки) и соблюдение процессуальных требований к оформлению протоколов.

Проблема субъективного искажения свидетельских показаний под воздействием стресса требует внедрения специализированных психологических методик. В данном контексте предлагается:

- Адаптация криминалистически значимых методов допроса, таких как когнитивное интервью, позволяющее минимизировать влияние эмоционального состояния на воспроизведение информации.
- Организация системы психологической поддержки для потерпевших и свидетелей, включая сопровождение специалистов-психологов на этапах предварительного следствия и судебного разбирательства.

Существенной проблемой остается тенденция судов к некритическому восприятию доказательств, полученных на стадии предварительного расследования. Для ее преодоления необходимо:

- Внедрение механизмов независимой верификации доказательств, включая обязательную перепроверку ключевых показаний свидетелей и результатов экспертиз перед их использованием в суде.

- Усиление процессуального контроля со стороны защиты, в частности, расширение возможностей обжалования нарушений, допущенных при собирании доказательств на досудебных стадиях.

Недостаточная доказательственная сила отдельных категорий материалов уголовного дела может быть компенсирована за счет:

- Развития современных методов криминалистической экспертизы, таких как молекулярно-генетический анализ, цифровая криминалистика и нейросетевые технологии обработки данных.
- Создания единых стандартов экспертной деятельности**, обеспечивающих научную обоснованность и воспроизводимость результатов исследований.

Отсутствие четких процессуальных критериев допустимости доказательств, полученных в рамках ОРД, требует:

- Формирования детализированной законодательной базы**, определяющей условия и пределы использования оперативных данных в уголовном процессе.
- Обеспечения судебного контроля за проведением оперативных мероприятий с целью исключения нарушений принципов состязательности и равенства сторон.

Использование новых методов доказывания (например, данных биометрического мониторинга или искусственного интеллекта) должно сопровождаться:

- Проведением апробационных исследований с целью определения их надежности и допустимости в уголовном процессе.
- Разработкой процессуальных регламентов, исключающих произвольное толкование их доказательственной ценности.

Включение в материалы уголовного дела сведений, полученных адвокатом в ходе опроса, требует:

- Внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, четко определяющих условия и порядок приобщения таких данных.
- Разработки методических рекомендаций по оформлению протоколов опроса, обеспечивающих их соответствие критериям допустимости.

Каждое из предложенных направлений носит комплексный характер и требует дальнейшей научной проработки. Их реализация способна существенно повысить качество доказывания в уголовном процессе, обеспечив соблюдение баланса между эффективностью расследования и защитой прав участников судопроизводства.

3.3 Проблемные вопросы оценки доказательств

В рамках современной уголовно-процессуальной доктрины особого внимания заслуживает анализ проблемных аспектов оценки доказательств, которые активно обсуждаются как теоретиками права, так и практическими работниками правоохранительной и судебной систем. Согласно положениям части 1 статьи 17 УПК РФ «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель осуществляют оценку доказательств по своему внутреннему убеждению, которое должно формироваться на основе всестороннего изучения всей совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, при безусловном соблюдении требований закона и руководствуясь принципами справедливости и профессиональной совести» [39]. Данная законодательная формулировка, закрепляя принцип свободы оценки доказательств, одновременно возлагает на субъектов доказывания повышенную ответственность за результаты такой оценки.

В контексте современной правоприменительной практики особую научную и практическую значимость приобретает проблема профессиональной компетентности судей и следователей в сфере оценки

доказательств. Как обоснованно указывают исследователи, «на практике зачастую можно столкнуться с недостаточной квалификацией судей и следователей, которые должны обладать не только знаниями о правовых нормах и процедурах, но и умениями по анализу и интерпретации доказательств» [24, с. 409]. Эта проблема имеет глубоко системный характер и проявляется в целом комплексе аспектов профессиональной деятельности, включая недостаточное владение современными методиками анализа доказательственной информации, неумение выявлять логические взаимосвязи между отдельными доказательствами, а также отсутствие навыков критического осмысления получаемой информации.

Указанные профессиональные дефициты могут приводить к существенным нарушениям в процессе доказывания, что в конечном итоге способствует принятию ошибочных процессуальных решений, включая как необоснованное привлечение к уголовной ответственности, так и неправомерное освобождение от нее. Особую остроту данная проблема приобретает в условиях усложнения криминальной практики и появления новых форм преступной деятельности, требующих от правоприменителей не только глубоких юридических знаний, но и владения современными методами анализа информации. Недостаточная профессиональная подготовка в области оценки доказательств существенно снижает эффективность реализации принципа свободной оценки доказательств, закрепленного в статье 17 УПК РФ, и ставит под сомнение способность правосудия устанавливать объективную истину по уголовным делам.

Не менее значимой проблемой является фальсификация доказательств, которая представляет собой серьезную угрозу для всего правосудия. Отсутствие в действующем законодательстве четкой регламентации ответственности специалистов за предоставление заведомо ложных сведений создает благоприятную почву для различных злоупотреблений. Подобные нарушения процессуального закона не только искажают ход расследования,

но и подрывают основы справедливого правосудия, требуя разработки эффективных механизмов противодействия.

Особого внимания заслуживает проблема допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Несмотря на четкие законодательные предписания, на практике нередко встречаются случаи использования доказательств, полученных с нарушением процессуальных норм. Такая ситуация обусловлена как недостаточным уровнем процессуальной культуры правоприменителей, так и отсутствием эффективных механизмов фильтрации недопустимых доказательств на ранних стадиях уголовного процесса.

Серьезную проблему представляет ненадежность свидетельских показаний, что отмечается многими исследователями. «В уголовном процессе часто приходится полагаться на показания свидетелей. Однако эти показания могут быть ненадежными или предвзятыми, что создает дополнительные трудности при оценке доказательств» [24, с. 409]. Психологические особенности восприятия, возможность постороннего воздействия и субъективные факторы существенно снижают доказательственную ценность подобных сведений, требуя разработки специальных методик их проверки и оценки.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода. В первую очередь необходимо совершенствование системы профессиональной подготовки судей и следователей через организацию специализированных курсов повышения квалификации, включающих современные методы анализа доказательств и выявления фальсификаций. Особое значение приобретает внедрение цифровых технологий в процесс доказывания, что позволит повысить объективность и эффективность оценки доказательственной информации.

Важным направлением реформирования является создание специализированных экспертных групп для оценки сложных доказательств, состоящих из юристов, криминалистов и психологов. Параллельно необходимо усилить процессуальные гарантии допустимости доказательств

через введение механизмов их предварительной проверки и ужесточение судебного контроля за соблюдением процедур их получения.

Значительную роль в повышении качества правосудия может сыграть институт общественного контроля, предусматривающий участие наблюдателей и независимых экспертов в процессе оценки доказательств. Не менее важным представляется ужесточение ответственности за фальсификацию доказательств, в том числе через внесение изменений в ст. 58 УПК РФ, устанавливающих ответственность специалистов за дачу заведомо ложного заключения.

Реализация указанных мер позволит создать эффективную систему оценки доказательств, соответствующую современным требованиям уголовного судопроизводства и обеспечивающую баланс между интересами правосудия и защитой прав личности. Комплексный характер предлагаемых изменений требует скоординированных действий всех участников уголовного процесса при активном участии научного сообщества в разработке методологических основ реформирования.

Подведем итоги третьей главы выпускной квалификационной работы.

Проведенное исследование позволило выявить комплекс системных проблем, возникающих на различных стадиях работы с доказательствами в уголовном судопроизводстве. В ходе анализа установлено, что процесс собирания и проверки доказательств сталкивается с существенными трудностями методологического и практического характера. Наиболее значимыми из них являются объективные сложности получения доказательств на начальном этапе расследования, когда еще не сформирована полная картина преступного события и не определен круг следственных действий.

Особого внимания заслуживает проблема субъективного искажения доказательственной информации под воздействием стрессовых факторов, что особенно характерно для показаний потерпевших и свидетелей. Установлена устойчивая тенденция судов к некритическому восприятию доказательств, собранных на стадии предварительного расследования, что нарушает принцип

состязательности процесса. Серьезную озабоченность вызывает недостаточная доказательственная сила отдельных категорий материалов дела, обусловленная как объективными факторами, так и недостатками процессуальной регламентации.

Отдельного рассмотрения требует вопрос правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Отсутствие четких критериев их процессуальной легализации создает предпосылки для нарушения прав участников процесса. Аналогичные сложности возникают при попытке использования нетрадиционных видов доказательств и результатов опросов, проведенных защитой, что требует разработки специальных процедур их верификации.

Вторая группа выявленных проблем касается непосредственно оценки доказательств. Установлен устойчивый дефицит профессиональных компетенций у судей и следователей в области современной методики анализа доказательственной информации. Значительную угрозу правосудию представляет фальсификация доказательств, особенно учитывая пробелы в правовом регулировании ответственности специалистов. Серьезной проблемой остается проникновение в процесс недопустимых доказательств, полученных с нарушением процессуальных норм, а также использование ненадежных свидетельских показаний без должной критической оценки.

Для преодоления указанных проблемных аспектов разработан комплекс взаимосвязанных мер организационного, процессуального и технического характера. В качестве приоритетного направления предлагается системное совершенствование профессиональной подготовки судей и следователей через внедрение современных программ повышения квалификации, ориентированных на развитие навыков работы с доказательствами. Особое внимание уделено технологизации процесса доказывания посредством внедрения цифровых платформ анализа доказательственной информации.

Существенное значение придается созданию междисциплинарных экспертных групп, способных обеспечить квалифицированную оценку

сложных видов доказательств. В процессуальном аспекте предлагается ужесточение контроля за допустимостью доказательств на всех стадиях уголовного процесса. Важным элементом реформирования является развитие институтов общественного контроля за доказательственной деятельностью правоохранительных органов.

Особое место в системе предлагаемых мер занимает совершенствование механизмов противодействия фальсификации доказательств, включая введение четкой правовой регламентации ответственности специалистов за дачу заведомо ложных заключений. Реализация указанных направлений модернизации доказательственной деятельности позволит существенно повысить качество правосудия, обеспечить соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон, минимизировать риск судебных ошибок.

Проведенное исследование подтвердило, что совершенствование процедур собирания, проверки и оценки доказательств представляет собой комплексную научно-практическую проблему, решение которой требует системного подхода, сочетающего нормотворческие инициативы, организационные преобразования и внедрение современных технологий доказывания. Разработанные в работе предложения создают теоретическую основу для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере доказательственного права.

Заключение

Институт доказательств в системе уголовного судопроизводства представляет собой сложную, многоаспектную правовую конструкцию, обладающую собственным категориальным аппаратом, структурой и функциональным назначением.

Нормативная дефиниция доказательств, закрепленная в пункте 1 статьи 74 УПК РФ, определяет их как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В доктринальной литературе наблюдается терминологический плюрализм при определении сущности доказательств: ряд авторов оперируют понятиями «сведения о фактах», «фактические данные» или «сведения о фактических обстоятельствах», что акцентирует внимание на информационной составляющей данного правового феномена. Такой подход отражает дискуссионный характер проблемы определения доказательственной природы сведений в уголовном процессе.

Анализ правовой сущности доказательств позволяет выделить систему их существенных признаков, получивших законодательное закрепление. Во-первых, доказательства обладают информационным характером, представляя собой сведения о фактах, имеющих значение для дела. Во-вторых, они должны быть получены в строгом соответствии с процедурой, установленной уголовно-процессуальным законом, что подразумевает соблюдение всех требований к процессуальной форме их собирания и закрепления. В-третьих, доказательства должны находиться в отношении к расследуемому уголовному делу, то есть обладать свойством относимости. Особое методологическое значение имеет положение пункта 1 статьи 88 УПК РФ, устанавливающее, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости,

допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела. Эти критерии формируют систему требований к доказательствам как к средствам установления истины по делу.

Классификационный подход к изучению доказательств выступает важным инструментом их научного осмысления и практического применения в уголовном судопроизводстве. В теории уголовного процесса выработаны многообразные основания для систематизации доказательств: по их отношению к предмету доказывания (прямые и косвенные); по механизму формирования (личные и вещественные); по отношению к обвинению (обвинительные и оправдательные); по степени опосредованности (первоначальные и производные).

Законодательное закрепление видов доказательств содержится в пункте 2 статьи 74 УПК РФ, который устанавливает исчерпывающий перечень допустимых доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта (заключение и показания специалиста); вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Институт доказательств в уголовном процессе представляет собой строго формализованную систему информационных элементов, обладающих специфическими свойствами и поддающихся научной классификации по различным критериям.

Теоретическая разработка проблем доказательственного права имеет фундаментальное значение как для развития доктрины уголовного процесса, так и для совершенствования практики применения уголовно-процессуального законодательства, обеспечивая баланс между необходимостью эффективного раскрытия преступлений и защитой прав участников уголовного судопроизводства.

Доказательства, исходящие от подозреваемого и обвиняемого, занимают особое положение в системе уголовно-процессуального доказывания,

выполняя при этом сложную дуалистическую функцию. С одной стороны, они могут выступать в качестве важнейших элементов в процессе установления фактических обстоятельств уголовного дела, а с другой - служить эффективным инструментом реализации права на защиту. Показания указанных участников процесса обладают уникальным доказательственным потенциалом, поскольку могут содержать как информацию, опровергающую предъявленные обвинения, так и добровольное признание вины, что обуславливает необходимость особого внимания к обеспечению их процессуальных гарантий. При этом принципиальное значение имеет неукоснительное соблюдение их абсолютного права на отказ от дачи показаний, закрепленного в статье 51 Конституции РФ, а также строгое следование принципам состязательности и справедливости при оценке достоверности таких доказательств, что является необходимым условием реализации концепции справедливого судебного разбирательства.

Не менее значимую роль в механизме уголовно-процессуального доказывания играют показания потерпевшего, которые зачастую содержат непосредственные сведения о событии преступления, полученные из первоисточника. Однако при оценке этих показаний необходимо учитывать целый комплекс факторов, включая психоэмоциональное состояние потерпевшего в момент восприятия события преступления и при даче показаний, а также его личную заинтересованность в исходе дела, которые могут оказывать существенное влияние на объективность восприятия и последующего изложения обстоятельств произошедшего.

Что касается свидетельских показаний, то их анализ требует применения комплексного подхода, учитывающего как объективные факторы (условия восприятия события, временной промежуток между событием и дачей показаний, наличие или отсутствие факторов, искажающих восприятие), так и субъективные особенности (индивидуальные характеристики памяти, способность к адекватному воспроизведению информации, личностные установки), а также источник осведомленности свидетеля, что в совокупности

позволяет сформировать обоснованное представление о достоверности полученных сведений.

Эффективное использование доказательств, полученных от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, составляет методологическую основу обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства. Этот сложный процесс предполагает всесторонний анализ каждого доказательства с точки зрения его относимости к предмету доказывания, допустимости с позиции соблюдения процессуальной формы получения и фиксации, а также достоверности как соответствия действительности, а в конечном итоге - комплексную оценку всей совокупности собранных доказательств на предмет их достаточности для принятия обоснованного процессуального решения. Особое значение в данном контексте приобретает соблюдение баланса между интересами стороны обвинения и защиты, что является необходимым условием реализации фундаментальных принципов равноправия сторон и состязательности в уголовном процессе, заложенных в основу современной модели уголовного судопроизводства.

Отдельного научного осмысления требует роль специальных познаний в системе уголовного судопроизводства. Заключение судебных экспертов, оформленные в письменной форме в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и содержащие научно обоснованные выводы, представляют собой важнейший источник доказательственной информации, обладающий высокой степенью достоверности. При этом показания эксперта на допросе выполняют вспомогательную процессуальную функцию, направленную на разъяснение или уточнение положений, изложенных в заключении, что способствует более полному и всестороннему исследованию доказательств.

Аналогичным образом специалисты могут представлять письменные суждения по вопросам, требующим применения специальных знаний, однако их устные пояснения в ходе допроса носят преимущественно

консультативный характер и служат для разъяснения отдельных аспектов, имеющих значение для дела, что не исключает их доказательственного значения, но определяет специфику процессуального режима их использования.

Протоколы следственных и судебных действий занимают особое место в системе доказательств, поскольку представляют собой официальные процессуальные документы, фиксирующие ход и результаты процессуальной деятельности. Будучи надлежащим образом оформленными в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, они приобретают самостоятельное доказательственное значение. Вместе с тем в современной доктрине уголовного процесса отсутствует единое мнение относительно процессуальной природы и доказательственной силы отдельных видов протоколов, особенно протоколов допроса и очной ставки, что свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления и совершенствования законодательного регулирования данного вопроса с учетом современных тенденций развития уголовного судопроизводства.

На основании проведенного комплексного исследования предлагается следующее научно обоснованное определение вещественных доказательств - это материальные объекты, следы преступной деятельности или их состояния, которые надлежащим образом зафиксированы, процессуально оформлены и признаны в установленном порядке, способные передавать информацию о совершенном преступлении, имеющую существенное значение для уголовного дела. Данное определение отражает как материальную природу вещественных доказательств, так и их процессуальную форму, а также информационную составляющую, что соответствует современным научным представлениям о системе доказательств в уголовном процессе.

Параллельно с вещественными доказательствами в уголовном процессе значительную роль играют иные документы, которые, не обладая признаками вещественных доказательств в смысле статьи 81 УПК РФ, тем не менее содержат информацию, относящуюся к предмету доказывания. К ним

относятся различные процессуальные документы, представленные как в традиционной письменной форме, так и в виде современных носителей информации, включая фото-, аудио- и видеоматериалы. В эту категорию входят заявления граждан, явки с повинной, характеризующие материалы, справки о личности обвиняемого, результаты оперативно-розыскной деятельности, а также документы, представленные сторонами в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, что свидетельствует о широком спектре их видов и значительном доказательственном потенциале в уголовном судопроизводстве.

Проведенное исследование позволило выявить комплекс системных проблем, возникающих на различных стадиях работы с доказательствами в уголовном судопроизводстве. В ходе анализа установлено, что процесс собирания и проверки доказательств сталкивается с существенными трудностями методологического и практического характера. Наиболее значимыми из них являются объективные сложности получения доказательств на начальном этапе расследования, когда еще не сформирована полная картина преступного события и не определен круг следственных действий.

Особого внимания заслуживает проблема субъективного искажения доказательственной информации под воздействием стрессовых факторов, что особенно характерно для показаний потерпевших и свидетелей. Установлена устойчивая тенденция судов к некритическому восприятию доказательств, собранных на стадии предварительного расследования, что нарушает принцип состязательности процесса. Серьезную озабоченность вызывает недостаточная доказательственная сила отдельных категорий материалов дела, обусловленная как объективными факторами, так и недостатками процессуальной регламентации.

Отдельного рассмотрения требует вопрос правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Отсутствие четких критериев их процессуальной легализации создает предпосылки для нарушения прав участников процесса. Аналогичные

сложности возникают при попытке использования нетрадиционных видов доказательств и результатов опросов, проведенных защитой, что требует разработки специальных процедур их верификации.

Вторая группа выявленных проблем касается непосредственно оценки доказательств. Установлен устойчивый дефицит профессиональных компетенций у судей и следователей в области современной методики анализа доказательственной информации. Значительную угрозу правосудию представляет фальсификация доказательств, особенно учитывая пробелы в правовом регулировании ответственности специалистов. Серьезной проблемой остается проникновение в процесс недопустимых доказательств, полученных с нарушением процессуальных норм, а также использование ненадежных свидетельских показаний без должной критической оценки.

Для преодоления указанных проблемных аспектов разработан комплекс взаимосвязанных мер организационного, процессуального и технического характера. В качестве приоритетного направления предлагается системное совершенствование профессиональной подготовки судей и следователей через внедрение современных программ повышения квалификации, ориентированных на развитие навыков работы с доказательствами. Особое внимание уделено технологизации процесса доказывания посредством внедрения цифровых платформ анализа доказательственной информации.

Существенное значение придается созданию междисциплинарных экспертных групп, способных обеспечить квалифицированную оценку сложных видов доказательств. В процессуальном аспекте предлагается ужесточение контроля за допустимостью доказательств на всех стадиях уголовного процесса. Важным элементом реформирования является развитие институтов общественного контроля за доказательственной деятельностью правоохранительных органов.

Особое место в системе предлагаемых мер занимает совершенствование механизмов противодействия фальсификации доказательств, включая введение четкой правовой регламентации ответственности специалистов за

дачу заведомо ложных заключений. Реализация указанных направлений модернизации доказательственной деятельности позволит существенно повысить качество правосудия, обеспечить соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон, минимизировать риск судебных ошибок.

Проведенное исследование подтвердило, что совершенствование процедур собирания, проверки и оценки доказательств представляет собой комплексную научно-практическую проблему, решение которой требует системного подхода, сочетающего нормотворческие инициативы, организационные преобразования и внедрение современных технологий доказывания. Разработанные в работе предложения создают теоретическую основу для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере доказательственного права.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Баев О.Я. Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 4 (19). С. 201-202.
2. Байчорова Ф.Х., Хатков А.А. Показания свидетеля как доказательство в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-11. С. 14-16.
3. Балакшин В.С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 128-132.
4. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 269 с.
5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. 672 с.
6. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М. : Проспект, 2013. 279 с.
7. Бибииков В.В. Микрообъекты в раскрытии и расследовании преступлений. М., 1985. 38 с.
8. Брянская Е.В. О вещественных доказательствах в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 86-91.
9. Валеев А.Т. Средства доказывания в российском уголовном судопроизводстве: досудебные стадии: учебно-практ. пособие/ А.Т. Валеев, А.М. Лютынский. - Вологда, 2019. 138 с.
10. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах : Части: общ. и особен. / Л.Е. Владимиров, засл. проф., присяж. пов. окр. Моск. судеб. палаты. 3-е изд., изм. и законч. – СПб. : кн. маг. «Законоведение», 1910. 400 с.

11. Егоров Н.Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М. : Юрлитинформ, 2007. 298 с.

12. Жаронкина О.В Доказывание как процессуальный институт в российском праве // StudNet. 2022. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokazyvanie-kak-protsessualnyy-institut-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 10.04.2025).

13. Житенева Н.В. Признаки и виды доказательств в российском уголовном процессе // Научный поиск курсантов : Сборник материалов Международной научной конференции, Могилев, 17 февраля 2023 года / Редколлегия: В.В. Борисенко (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. С. 97-99.

14. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2010. 20 с.

15. Кассационное определение Судебной коллегии ВС РФ по уголовным делам № 8-О11-7 от 26.05.2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

16. Корнакова С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 2. С. 69-75.

17. Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск : ПолиграфМастер, 2006. 176 с.

18. Кулиев И.Б. Показания как источник доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 4. С. 44-48.

19. Лантух Н.В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 85-96.

20. Мальцагов И.Д. Показания потерпевшего как доказательство в уголовном процессе // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2019. Т. 35, № 3. С. 137-141.

21. Моругина Н.А., Сидорова Е.И. Понятие, признаки и природа вещественных доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 209-214.

22. Назаренко Ю.Н. Доказательства в уголовном процессе России и их признаки // Юридический факт. 2020. № 120. С. 106-107.

23. Некрасов С.В. Особенности использования доказательств в уголовном процессе : учебно-методическое пособие / С.В. Некрасов. М. : Юрлитинформ, 2013. 206 с.

24. Некрасова А.С. Проблемы собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном процессе: актуальные вызовы и перспективы совершенствования // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 11(68). С. 406-412.

25. Никандров В.И. Возбуждение уголовного дела : Лекция / В.И. Никандров; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М. : ВЮЗИ, 1990. 22 с.

26. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2020 г. по делу № 7У-9284/2020 [77-1537/2020] [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

27. Орлов А.А. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном процессе // Вестник. Государство и право. 2022. № 1 (32). С. 69-73.

28. Попов А.П., Зинченко И.А. Дефиниция «доказывание» в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации и государств ближнего зарубежья // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2. С. 328-335.

29. Приговор Ангарского городского суда № 1-909/2023 от 27 сентября 2023 г. по делу № 1-909/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/szOWxczc3AHt/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

30. Приговор Динского районного суда № 1-319/2023 от 26 сентября 2023 г. по делу № 1-319/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/WNxfa94T8cWg/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

31. Приговор Кувшинского городского суда № 1-143/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 1-143/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/HgofjcXFIDb8/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

32. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска № 1-632/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 1-632/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/FMC98e6GBjLt/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

33. Приговор Свердловского областного суда № 22-5051/2023 от 4 октября 2023 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/sv5vz7cvNlZm/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

34. Приговор Усть-Вымского районного суда (Республика Коми) № 1-161/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 1-161/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NttxJPHe3XoW/> (дата обращения 10.04.2025 г.).

35. Проваторова К.В. Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний как элементы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3(50). С. 125-133.

36. Пяшин С.А. Отдельные проблемы оценки относимости доказательства в уголовном судопроизводстве России // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2022. С. 157-161.

37. Смолькова И.В., Дунаева М.С. Основания вмешательства правоохранительных органов и суда в частную жизнь граждан: уголовно-процессуальный аспект // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 184-192.

38. Таран А.Н., Гошкодеря О.А. Классификация доказательств в уголовном процессе // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, 03 октября 2022 года. М. : Печатный цех, 2022. С. 378-383.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 10.04.2025 г.).

40. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения 10.04.2025 г.) (утратил силу).

41. Brenner S.W. Digital Evidence in Criminal Trials: Challenges and Solutions. Journal of Criminal Law & Criminology. 2007. № 97(2). Pp. 337-420.

42. Friedman R.D. Hearsay Evidence and the Right to Confrontation in Criminal Cases. Michigan Law Review. 2004. № 102(3). Pp. 485-542.

43. Giannelli P.C. Forensic Science and Criminal Evidence: Reliability and Admissibility Issues. Case Western Reserve Law Review. 2003. № 53(4). Pp. 497-528.

44. Kamisar Y. Exclusionary Rule and Illegally Obtained Evidence in Criminal Procedure. Minnesota Law Review. 1965. № 49 (4). Pp. 471-561.

45. Wigmore J.H. The Concept of Evidence in Criminal Proceedings. Illinois Law Review. 1915. №. 10 (3). Pp. 1-20.